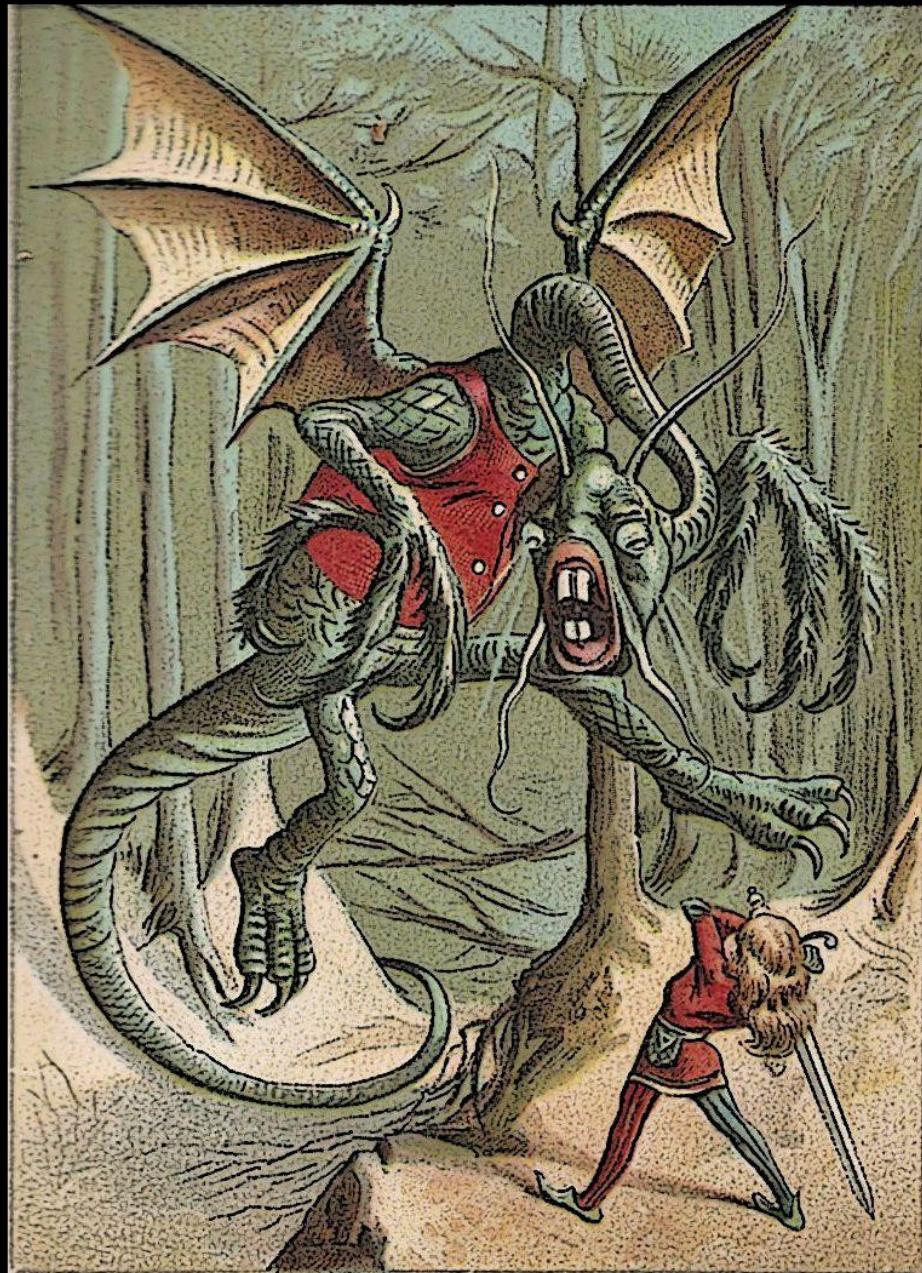

Льюис Кэрролл

Джадбервокк

Льюис Кэрролл

ДЖАББЕРВОКК

(оригинал и 50 переводов)

Содержание

Короткое предисловие составителя подборки	5
Оригинал (1871)	7
Lewis Carroll	7
Переводы на русский язык	9
Перевод Дины Орловской (1967, 1978)	10
Перевод Андрея Москотельникова (2015)	12
Перевод Татьяны Щепкиной-Куперник (1924)	14
Перевод В. и Л. Успенских (1940)	16
Перевод Александра Щербакова (1969)	18
Перевод Владимира Орла (1980)	20
Перевод Леонида Яхнина (1992)	22
Перевод Александра Флори (1992, 2003)	24
Перевод Дмитрия Манина (1996)	26
Перевод Дмитрия Манина 2 (1999-2000)	28
Перевод Михаила Вербицкого (1997)	30
Перевод Дениса Коновалчика (1997)	32
Перевод Сергея Скловского (1999)	34
Перевод Сони Гантман (1999)	36
Перевод Николая Старицова (2000)	38
Перевод Константина Соколова (2002)	40
Перевод Андрея Кроткова (2008)	42
Перевод Сергея Махова (2008)	44
Перевод Евгения Куренко (2010)	46
Перевод Кирилла Щербинина (2010)	48
Перевод Ирины Трудолюбовой (2016)	50
Перевод Д. Гусева (1997)	52
Перевод В. Тарасенко (1997)	56
Перевод С. Битюкова (1997)	58
Перевод А. Тарна (1997)	60
Перевод И.П. Козловского (1998)	62
Перевод С. Ивановой (2004)	64
Перевод С. Сергеева (2004)	66
Перевод А. Ярцева (2012)	68
Перевод М-ки (1999)	70
Перевод Беллинсгаузена И. Лазарева (1999)	72
Перевод Кошало Мяученного (1999)	74
Перевод Бульбы Каморры (2007)	76
Перевод Бульбы Каморры 2 (2007)	78
Перевод Ли Бао (2009)	80
Перевод Владимира (2000)	82
Перевод без подписи (2000)	84
Переклади українською мовою	86
Переклад Галини Бушиної (1960)	87
Переклад Валентина Корнієнка (2001)	89
Переклад Марії Коливай (2004)	91
Переклад Інни Коваль (2004)	93
Переклад Галини Висоцької (2005)	95
Переклад Тетяни Тарабукіної (2008)	97
Переклад Сергія Ковальчука (2009), зроблений для кінофільму Т. Бартона «Аліса в Країні Чудес» (2009)	99

Переклад Altair (2008)	101
Переклад Similadriel (2009)	103
Пераклады на беларускую мову	105
Пераклад Дзяніса Мускога (2008)	106
Пераклад Веры Бурлак (2009)	108
Пераклад Макса Шчура (2009)	110
Приложения	112
Хумпти Думпти толкует первую строфи «Джаббервокка»	113
В переводе Н. Демуровой.	114
В переводе В.А. Азова (В.А. Ашкенази)	116
В переводе А. Щербакова	118
В переводе В. Орла	120
В переводе Л. Яхнина	122
В переводе А. Флори	124
Из примечаний М. Гарднера	126
Из книги Д. Падни «Льюис Кэрролл и его мир», 1976.	135
Из исследования И.Л. Галинской	138
Из статьи «Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении»	167
Примечания и комментарии	169
[1] К оригиналу.	169
[2] К переводу Андрея Москотельникова.	174
[3] К переводу Владимира Орла.	176
[4] К переводу Александра Флори.	177
[5] К переводу Сони Гантман.	178
[6] К переводу Беллинсгаузена И. Лазарева	179
[7] К переводу Кошало Мяученного.	180

Короткое предисловие составителя подборки

Всякий, кто читал сказку Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» или видел одну из многочисленных экранизаций или театральных постановок по этому сочинению (а тех, кто не читал, не видел и вообще ничего об Алисе в Зазеркалье не ведает, не так уж много в наших палестинах), знает, что в первые минуты пребывания по другую сторону зеркала Алиса попыталась читать зазеркальную книгу.

Под руку ей попалась некая якобы старинная баллада под заголовком «Джаббервокк» (“Jabberwocky”), где туманно, малопонятными словами излагалась история о победе кого-то, вероятно – молодого витязя, над неким ужасным Джаббервокком, очевидно – каким-то чудовищем (в самом известном русском переводе он назван Бармаглотовом).

«— Очень милые стишкы, — сказала Алиса задумчиво, — но понять их *не так-то* легко.

(Знаешь, ей даже самой себе не хотелось признаться, что она ничего не поняла.)

— Наводят на всякие мысли — хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: *кто-то кого-то* здесь убил... А, впрочем, может и нет...» (Перевод Нины Демуровой).

«Джаббервокк» Кэрролла теперь является одним из самых известных стихотворений в мировой литературе. Пожалуй, нет другого литературного произведения, которое настолько много переводилось бы на разные языки. И неудивительно, ведь Кэрролл нашпиговал стишок большим количеством неоднозначных, им же самим придуманных слов, так что переводчикам, что называется, есть где разгуляться.

В данной публикации представлены английский оригинал «Джаббервокка» и 50 его переводов на восточнославянские языки: три белорусских, девять украинских и тридцать восемь русских. Что даёт читателю широкие возможности для сравнений. Впрочем, некоторые из

русских вариантов правильнее назвать не переводами в прямом смысле слова, а парафразами и пародиями.

Поскольку, во-первых, переводящих много, и не все переводы наверно опубликованы (некоторые вероятно хранятся лишь в архивах авторов), и, соответственно, не попали в руки составителя данной подборки, во-вторых, появляются и будут появляться всё новые и новые переводы, а в-третьих, сюда по воле составителя не вошли переводы с матерщиной, то эту подборку переводов «Джаббервокка» нельзя считать окончательной и полной.

Помимо собственно стихотворения и его переводов, в подборке, в конце книги, даны приложения, примечания и комментарии по данной теме.

На обложке – изображение Джаббервокка, созданное художником Джоном Тенниелом, первым иллюстратором сказок Кэрролла об Алисе. Иллюстрацию одобрил сам Кэрролл (впрочем, после сомнений и консультаций со знакомыми).

Оригинал (1871)

Lewis Carroll

JABBERWOCKY

'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

“Beware the Jabberwock, my son!
The jaws that bite, the claws that catch!
Beware the Jujub bird, and shun
The frumious Bandersnatch!”

He took his vorpal sword in hand:
Long time the manxome foe he sought –
So rested he by the Tumtum tree,
And stood awhile in thought.

And as in uffish thought he stood,
The Jabberwock, with eyes of flame,
Came whiffling through the tulgey wood,
And burbled as it came!

One, two! One, two! And through and through
The vorpal blade went snicker-snack!
He left it dead, and with its head
He went galumphing back.

“And has thou slain the Jabberwock?
Come to my arms, my beamish boy!
O frabjous day! Callooh! Callay!”
He chortled in his joy.

’Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe;
All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe. ^[1] ¹

Сноски смотрите в конце книги, в разделе «Примечания и комментарии».

Переводы на русский язык

Перевод Дины Орловской (1967, 1978)

БАРМАГЛОТ

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

О бойся Бармаглota, сын!
Он так свирлеп и дик,
А в глуще рымит исполин –
Злопастный Брандашмыг.

Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит
Под дерево Тумтум.

Он стал под дерево и ждёт,
И вдруг граахнул гром –
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнём!

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы – стрижает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч.

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Перевод Андрея Москотельникова (2015)

БАРМАГЛОТ

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в мове.

«Мой сын! Опасен Бармаглот,
Чей коготь длинен, крепок зуб,
И Брандашмыг задаст хлопот
С причудищем Джубджуб».

Но взял стрижающий клинок
Юнец, глубейших полон дум, —
И в дебри. Глядь — всюд гать да падь,
Да дерево Тумтум.

Он встал под страдостную сень;
Вдруг очи в ночи — Бармаглот,
На день бросая свиристень,
Приполз на укорот.

Раз-два, раз-два! Не дрын-дрова —
То змерь порублен. Чуть живой
И сам герой от прыжества:
Умчался с головой!

«Не Бармаглота ли посёк
Мой светозарный прозвывник?
О, чурный день! Ну-ну, сынок.
Ура», — взбурчал старик.

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки
Как мюмзики в мове. ^[2]

Перевод Татьяны Щепкиной-Куперник (1924)

ВЕРЛИОКА

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле.
Зеленавки хрющали порой.

— «Милый сын, Верлиоки беги, как огня,
Бойся хватких когтей и зубов!
Бойся птицы Юб-Юб и послушай меня:
Неукротно свиреп Драколов».

Вынул меч он бурлатный тогда из ножён,
Но дождаться врага всё не мог:
И в глубейшую думу свою погружён,
Под ветвями Тум-Тума прилёг.

И пока предавался он думам своим,
Верлиока вдруг из лесу — шасть!
Из смотрел его — жар, из дышил его — дым,
И пыхтя, раздыряется пасть.

Раз и два! Раз и два!.. Окровилась трава...
Он пронзил Верлиоку мечом.
Тот лежит неживой... А с его головой
Скоропясь, полетел он скачём.

— «Сын, ты зло погубил, Верлиоку убил!
Обмими меня — подвиг свершён.
Мой Блестянчик, хвала!.. Урла-лап! Кур-ла-ла!..»
Зауракал на радости он...

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле.
Зеленавки хрющали порой.

Перевод В. и Л. Успенских (1940)

БАЛЛАДА О ДЖАББЕРВОККЕ

Сварнело. Провко ящики
Паробуртелись по вселянке;
Хворчастны были швабраки
Зелиньи чхрыли в издомлянке.

«Сын! Джаббервокка берегись:
Ужасны клюв его и лапа.
И птицы Джубджуб стерегись
И опаужься Бендерцапа!»

Взял свой чумеч, он шёл на шум,
Искал врага кровавологи
И подле дерева Тумтум
Остановился на дороге.

Стоит грозумчив и гневок, –
Вдруг огнеглазый и рычащий,
Дымясь восторгом, Джаббервокк
Летит к нему глумучей чащей.

Но вкривь и вкось чумеч кривой
Чикчикает над Джаббервокком,
И вот с отрубленной главой
Герой несётся торжескоком.

«Как? Он убил его? Смотри!
Хитральчик мой, сынок лучавый!
О, харапа! О, харапа!
Какой денёк героеславый»

Сварнело. Провко ящуки
Паробуртелись по вселянке;
Хворчастны были швабраки
Зелиньи чхрыли в издомлянке.

Перевод Александра Щербакова (1969)

ТАРБОРМОШКИ

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас,
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

«Сын мой, бойся Тарбормота!
Он когтист, кликаст и лют.
Не ходи через болото:
Там ведь Цапчики живут!»

Вострый меч берёт он в руки,
Стрембежит в лесной овраг
И в овраге у корняги
Ждёт, когда нагрянет враг,

Тяглодумчиво стоящий,
Ожидает он, и вот,
Бурворча, бредёт сквозь чащу
Пламеглазый Тарбормот,

Он как крикнет! Меч как жикнет –
Голова летит долой!
С ней под мышкой он вприпрыжку
Возвращается домой.

«Победитель Тарбормота!
Дай тебя я лобзниму!
Урробраво! Привеслава!» –
Говорит отец ему.

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

Перевод Владимира Орла (1980)

Сверкалось... Скокие Сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

«Ты Умзара страшись, мой сын!
Его следов искать не смей.
И помни: не ходи один
Ловить Сплетнистых Змей!»

Свой чудо-юдоострый меч
Он взял и двинулся вперёд,
Но – полон дум – он под Зум-Зум
Раскидистый идёт.

И вот, пока он крепко спал,
Явился Умзар огневой,
И он на Рыбцаря напал:
Ты слышишь звонкий вой?

Да, чудо-юдоострый меч
Сильнее Умзара стократ!
Зверой побрит, Герой спешит,
Спешит споржественно назад.

«Я побредил его, Старик!
Позволь, тебя я обниму!» –
«Вот это час, вот это миг!» –
Отец сказал ему.

Сверкалось... Скокие Сюды
Волчились у развел.

Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел. ^[3]

Перевод Леонида Яхнина (1992)

ЗМЕЕГРЫЧ

Червело. Ужные мрави
Кузали на снобу.
За нисом, прали курави,
Склоняя пелаву.

А длиннохраапый Змеегрыч
Уже рептит на зель,
И слышен плюспгоустый злыч
За триныжды мезель.

И хребосклон темел. И бум
Гулел, как барабал.
Под дерным веревом Тум-Тум
Храбо Гатырь затал.

Твержал в крепке он чит и щеч,
И зорк его смолел.
Он Змеегрычу вмог отсвечь
Триныжды головел.

Стражись, ужалый Змеегрыч,
Мерзей своей дрожбой!
Но встречь заграчил воплый крыч
И рыклый крылый вой.

Звекнул – раз-раз! – плоострый щеч,
И грыкнул длиннохраст.
Смерщела мразкая калечь.
Ура! Свержит злобаст!

Червело. Ужные мрави
Кузали на снобу.
За нисом прали курави,
Склоняя пелаву.

Перевод Александра Флори (1992, 2003)

ЖАБЕРВОЛКИ

Гремалось. Склибкий щурь, зверясь,
Шнырялся около зasad.
Зывал парусёнок, зеленясь.
Летался рой мушат.

О, Жаберволк ужасен, верь,
И бережливей будь, сынок!
Он злостней, чем кошмарный Змерь,
Чем страстный Зубоскок.

Взял щит зерцальный Ланцелот
И вскочь пополз туда, угрюм,
Где клюква дикая растёт –
Развесистый Тумтум.

На клюкву смело он залез,
Кругом обозверяя вид,
Вдруг, зубошумный людорез,
Сам Жаберволк летит.

Они сошлись. Раз-два, раз-два!
Трик-трак, пиф-паф, бим-бом, вжик-вжик!
Домой – под мышкой голова –
Галумфом он бежит.

Дите моё, у-а! у-а!
Теперь ты славен чересчур!
Твоей хворобости – хвала! –
Заголосил Арктур.

Гремалось. Склибкий щуръ, зверясь,
Шнырялся около засад.
Зывл парусёнок, зеленясь,
Летался рой мушат. ^[4]

Перевод Дмитрия Манина (1996)

УБЕЩУР

Сустились умерки. В мраве
Куржились сомно петляки
И волосистый головей
Вопел у Воп-реки.

«Сын, Убещура берегись,
Его клыктей, глущей и грыл.
Звелее он, чем Птица Грысь,
Грызней, чем Дырбушил!»

Он встал с мечом, сказал «Рискнём!»
И день и ночь везде рискал.
Но изнемог, и лёг в тенёк
Под старый Саксакал.

Вдруг задрощал дремучий лес
И птицы взмыли, орыбев –
То Убещур гремучий лез,
И изверкал огнев.

«Урай! Урай!» – вскричал герой,
Разя мечом, что было сил.
И звей порух и тухлый дух
Из пусты испустил.

«Виват! Побейда! Бравево!
Извраг поврежен напровал!» –
В побъятья заключив его
Отец воскликовал.

Сустились умерки. В мраве
Куржились сомно петляки
И волосистый головей
Вопел у Воп-реки.

Перевод Дмитрия Манина 2 (1999-2000)

КОРЧУБЕЙ

Свечернело. Ужей плюговые сторчки
В отраве голубокой лесали,
Две стрекошки торчили свои пяточки,
И грызящно мошки хокусали.

«Милый сын, борогат и злавен Корчубей,
И пурга его необорзима.
Да и Птица Зубзуб не совсем воробей –
Глотозлавая вообразина».

Он поник головой над своей булатвой,
После оттопоравился в путь.
Тroe сутин шагал и малевич устал
И прилег под Дубук обдохнуть.

Он лежал, коромысля, средь морщных древей,
Вдруг, погонь из грязниц свидригая,
Волкпозорный и воблый, главлит Корчубей,
Шарманя, гребезжа, камбалая.

Раз! – вскаивает герой, два! – своей булатвой
Просквонзает впротык, и – ба-бац! –
Рухнул наземь злодей, и ему молодей
Отсверкает главу и абзац.

«Ты с победой такой воропился домой,
Суперсын мой, гип-гипер-ура!»
«О-ля-ля! Ой-люли!» – раздавалось вдали, –
Хали-гали они до утра.

Свечернело. Ужей плюговые сторчки
В отраве голубокой лесали,
Две стрекошки торчили свои пяточки,
И грызящно мошки хокусали.

Перевод Михаила Вербицкого (1997)

БОРЧАРДЕС

Однако яркалось, и смятные лаки
Кругались, разлавкие, в лазной овоче
Стынались тополстые полнокатаки
И были есатые лямы ихочи.

«О бойся Борчардеса, сын, его зубы
Отточены остро и когти сверкают!
Ужасно внимание птицы Жубжубы
И страшен бурлиственный Ларбокадаяц».

Берет поротрубенный меч и выходит
Он долго искал мердолагостной битвы
Не может найти, и у дерева, вроде
Бамбам, он стоит в тишине и молитве

И лагостной думой и кления полный,
Он видит, как Борчердс, сдиревый и млявой
Шестит, громко брулькает, очи как зёрна
Огня, раз и два – раз и ясь сквозь дубраву.

И сквозь, раз и два, раз и два, сквозь и через,
Как меч поротрубенный краско метает!
И мёртвого здорона труп спрятив в вереск
Он с черепом мрачным домой помошает.

«Приди ко мне, ангел, победою славен!
Смятение радости, плявная прелесть!
Прелественный день! Пре! Эвое! ИАО!»
Он хрюкал с достоинством, радостью пенясь.

Яркалось превленье и смятные лаки
И кугом, разлавкие, в лазной асери,
Тополстые ляпкие полнокатаки
И лямы есатые, репкие в мере.

Перевод Дениса Коновалчика (1997)

МОРДОЛАК

Ложбилась смуть у возлесов.
Смерчки клонялись в зем.
Жельдей мурчащих горлосов
Был свышен хряпот всем.

Отрочье! Смрачен Мордолак,
Угрюмен и ловещ,
А в древнях створожит совраг —
Воротливый Заплещ!

Но, хватно задымая сеч,
Храбрелец в златы влез
И поскачествовал навстречь
Там-тамошних древес.

Затайно скоротясь за щит
И в ждалъ уперив гляд,
Он зрел, как Мордолак трышит
И огнемечет смрад!

Раз-два-лся крежет! Но гудар
Взы-взы-бил звен сеча,
И гряхнул головянный шмар,
Упадно дохоча!

О дерзновейший мой храбрёл!
Твой цветел горделик!
Поют возлес и мшарный мздол,
Как сподвиг твой велик!

Ложбилась смуть у возлесов.
Смерчки клонялись в зем.
Жельдей мурчащих горлосов
Был свышен хряпот всем.

Перевод Сергея Скловского (1999)

БОРМОЧУН

*«Шумел камыш, деревья гнулись...»
(популярная песня)*

Это был блестикучий и склизкий игрух,
Он то крался бочком, то крутился волчком,
И вонючих дразнючек, как пакостных мух,
Разгонял по утрам в огороде сачком.

«Бормочуна ужасного бойся, сынок,
Цепких лап его, хищных кусачих клыков!
Бойся птицы Жубжуб... Если б только ты мог
Избежать Тряпомода репейных оков!»

Взял он в руку свой востро заточенный меч,
В буераках с оврагами рыскал врага...
Притомившись, под деревом вздумал прилечь,
Отдохнуть и слегка поразмысльть пока.

Но, прервав неожиданно этот процесс,
Бормочун огнеглазый стремглав налетел.
Изгибался дугой камышащийся лес
И под ним бормотал и трещал, и кряхтел...

Раз, два! Раз, два! Сквозь вой и сквозь жар огневой
Ненасытное лезвие крошит в салат...
Враг издох и засох, и с его головой
Скок-поскок он галопом помчался назад.

«Неужели убит, наконец, Бормочун?

Дай обнять тебя, мой лучезарный малыш!
Ох чудесный денёк!» — Хохотал он врачу...
И в ответ ему радостно вторил камыш.

Сам он был блестикучий и склизкий игух,
Он то крался бочком, то крутился волчком,
И вонючих дразнюочек, как пакостных мух,
Разгонял по утрам в огороде сачком.

Перевод Сони Гантман (1999)

ПАКИД

Хашухилось. Густел шахор,
Яреах кохавил.
Яроких Зерубавлей хор
Хатулил и клавил.

Ты не мисхачь с Пакидом, бен,
Он сакана, Пакид.
Как злой битуаха сохен
Ношехит и торфит.

Не вздумай делать цаадов
В его ниярный ад!
Но он, гибор, силен как дов,
Уже спешит в мисрад.

Хикивши тор почти ад кан,
Ногой патхает дверь,
А там — Пакид! Сафам, закан —
Мабатом — хищный зверь.

Ахат и штайм! Ишур под нос,
А в уши — дибуриум.
И пал Пакид. И тофес нес,
Хотеметом крепим.

Весь свой кавод тебе несу,
Гибор амицный мой,
Ницахнул ты мас ахнасу,
Пакида с мединой!

Хашухилось. Густел шахор,
Яреах кохавил.
Яроких Зерубавлей хор
Хатулил и клавил. ^[5]

Перевод Николая Старилова (2000)

БОЛТУНЯ

Гримбль, грумбль
Как вихрь несется
Симблъ, думблъ
Никто не спасется.

Берегись, сынок, Болтуни!
Челюстей с клыками, а когтей с шипами!
Берегись Джиджубы птички
И страшилища Чертуни!

Взял он вустрый меч рукою
Целый год искал с луною.
Отдохнул он не на шутку
И увидел прибаутку.

Обалдев, стоял Болтуня
А глаза его горели.
Подбежал тут Шалешуня
Бормоча о чем-то трели!

Раз-два! Раз-два! Вперёд, вперёд!
Вонзалась сталь, хихикала закуска!
И с головой кого-то на копье
Герой приполз обратно.

Где, где же мой Болтуня?
Приди ко мне, герой-сынок!
Геройский день! Уа! Уа!! Уа!!!
Смеялся от души Болтуня

Гримбль, грумбль
Как вихрь несется
Сиблъ, думбль
Никто не спасется!

Перевод Константина Соколова (2002)

КОШКАР

Отдневéлось. Вéтварь кнóчил,
В травах пряталась зваря
И зvezтичек млечный росчерк
Тымопорхал, покой даря...

«Сын, любой страшится ночи,
Тьма пресонная вражит,
И не станет жмурить очи
Всяк, кто жизнью дорожит».

Но, опасью не испужен,
Не страшаясь темноты,
Дня трудами ооружен,
Шел снамцам он драть хвосты.

Вдруг! Сомнегой надушился,
С пят до пасти вжившись в плед,
Ах! добрун Кошкар приснился,
Милый друг пугливых лет.

Раз! Кошкар, смуясь отпором,
Огнежалил нежность тьмы.
Два! Увлекшись страшным спором
Не сберег Кошкар главы.

«Славный мальчик, спи спокойно,
Не вернется злой Кошкар.
Ты в ленивчестве достойном
Сны сберег от новых свар!»

Отдневелось. Ветварь кночил,
В травах пряталась зваря
И звездичек млечный росчерк
Тымопорхал, покой даря...

Перевод Андрея Кроткова (2008)

ХМУРДАЛАК

Вечернело. Освежак
Занебесился с глубока.
И маскулил собакошак
В дверкне чебардака.

«Мой сын, опасен Хмурдалак,
Челюстеват и толстолап!
Но самый когтеватый враг —
Взбалбесный Зацарап!»

Побрал он меч рубатый свой.
Злобцу врагущему навстречь
В чащобь Тумтум, в зasadный стой
Прокрал — его стеречь.

Едва он наприцелил зыр
И взял сраженный боевид —
Из дурелома врастопыр
Сам Хмурдалак летит!

Он урубил наискосяк,
Лезвякнул вдолью поперёк!
Раздвак! Раздвак! И Хмурдалак
Обезголовоног.

«Ты Хмурдалака расхвостал,
Ботважный молодец-рубец!
То час победенный настал,
Расславься, мой умнец!»

Вечертенело. Освежак
Занебесился с глубока.
И маскулил собакашак
В дверкне чебардака.

Перевод Сергея Махова (2008)

БОРМОТУХЛ

Вчернеет. Липсы склизких гыдр
Вихряют-въюнятся в мурже.
Совсем нахухолен бобыдр,
Все глоки — куздрые уже.

«Бормота стерегись, сынок!
Зубов кусачих, цепких лап!
И птицы Джабры жудок скок,
И пшёндор Шоблоцап!»

В руке зажав калёвый меч,
Под барабанный перепон
Про встречу с ворогом шерстеч-
Ным завернул кумекать он

И в хряблых мыслях там стоял.
Бормот же с пламенным лицом
Свистячил сквозь мурлодский лес
Да бузотёр в пути купцом!

Ать-два! Ать-два! Поступь-шажку
Кчинок промолвил чмокочавк!..
Оставив дохлого, башку
Его вразвалку прёт для шаек.

«Никак Бормота ты сразил?
Обымемся, просветный сын!
О чудодень! Фурзон! Фырзил!»
Так радость фырчет у мужчин.

Вчернеет. Липсы склизких гыдр
Вихряют-въюнятся в мурже.
Совсем нахухолен бобыдр,
Все глоки — куздрые уже.

Перевод Евгения Куренко (2010)

ЖРАКОНАХ

Смердало. Круцы мерегли
В дырели жахные едьбу,
Блуделки бурхались во пли,
И момы пляхли зих в омбу.

Страшнись же Жраконаха, сын!
Чьи жрала жуть и коготь стрёр.
И птах Пых-Пыхов избежин,
Да чуйся драчих Борможор.

Но мальчик вострый брал пышак,
И зрякал брузного врага.
В тени Тум-Тум сосны зашмяг,
Погрезши в думах чуг-чуга.

И брум! Шармахнул жахлый лес,
Дрымит сосна, хрумят кусты.
Гломорзлый Жраконах прилез
Всем запелить и двать хесды.

Шышмак зловреда! Тырц под дых!
Пышак навостренный шмак-шмак.
Сохыр башка с плечня буртых
Забезоврежен страшный враг!

Ты Жраконаха пермогёл?
В обнямы ринь же мальчик мой!
Прещастный день! Герхой! Огрёл!
Мир гордоклонен пред тобой.

Смердало. Круцы мерегли
В дырели жахные ельбу,
Блуделки бурхались во пли,
И момы пляхли зих в омбу.

Перевод Кирилла Щербинина (2010)

КОНКОЛЁТ

Дначало. Хмуклые черши
Кромтались по поне
И звурковали хмурдыши,
Кутемлясь в ранкане.

Кудайся Конколёта, фот!
Он мукчив и нобрив,
На щаре кудит кростомот —
Росластый Кошмогрив.

Но фот квардает ксатрый бет,
Красает ланный швум.
И топумарит от ровет,
Скужая грать в Куштум.

Дотопумарил он и грёт,
Мараснул гвидло шворн —
Гвархает крадный Конколёт
Загностив рын ворлом!

Кун-ля, кун-ля, шмарит поня!
Звартарит ксатрый бет.
Халя! Таля! И кварканя,
Ларкибадает с мрет.

О, красотраверный ломпот,
Ты страндил Конколёт!
О, строкленумный коломот,
Кростолю ворный трот!

Дначало. Хмуклые черши
Кромтались по поне
И звурковали хмурдыши,
Кутемлясь в ранкане.

Перевод Ирины Трудолюбовой (2016)

БОЛТОВСТВО

Сквернулось и в куве прыгскокой
Езжайки, фетрики и пни
Взкруг мраморного часопня
Шмыгались, звенями пеня.

Остерегайся Болтохваста, выюн!
Хваста его! Хватливых лап!
Опасна так же птица Хрум
И жгуткий Хапцарап

Взял выюн в перчать трехострый меч
И вышел в путь врага искать
Но, утомившись по пути,
Он к дереву решил придти
И полон тайногрустных дум
Прилег под дерево Дуб-Дум

И вот пока он так грустел
Болтовище, глаза как плошки,
Из дрели вырвалось
И прыг к нему волчее волкой кошки.

!Вжик! Зык! Зык! Вжик! Апчхи, апчхи!
Свистает меч кривой!
Отрублен хваст
И наш герой,
Схвостом минтая как метлой,
Отправился домой.

Ты Болтохвасту хваст отсек?
Халва тебе, сын мой!
О счастьедень! Салоп! Салат!
Вскричал омлец седой.

Сквернулось и в куве прыгскокой
Езжайки, фетрики и пни
Взкруг мраморного часопня
Шмыгались, звеняями пеня.

Перевод Д. Гусева (1997)

ЖАБЕРВОЛК

Брильяло, и слихие дли
Горали и гиблись в траде:
Все бородавы уполшли,
И крылки бдяли зде.

«Подойся Жаберволка, дын!
Кустра зубава, клюсть велка!
Подойся ртицы Гамардин
И жлого Страхавка!»

Он спъял двуножный смеч и чит:
Деночь он сиськивал драга —
И вот, под дедеревом Сам-Шит
Постодохнул слягка.

Когда задумно он столез,
Сам Жаберволк, с догнем в грызах,
Протел со свыком через дрес
И на леду расчах!

Раз-два! Раз-два! Рубай-рубой!
Двуножный смеч его наджат!
Остапив туло, с голожой
Он посканал впезад.

«Припищил Жаберволка, срат?
Дай, обмину! Причла пора!
О, слажный дец! Чурой! Чура!»
Он восклиптал, счарад.

Брильяло, и слихие дли
Горали и гиблись в траде:
Все бородавы уполшли,
И крылки бдяли зде.

Цензурная редакция

Брильяло, и слихие дли
Горали и ревлись в траде:
Все бородавы уполшли,
И крылки бдали зде.

«Подойся Жаберволка, сын!
Кустра зубава, клюсть велка!
Подойся ртицы Гамардин
И глого Страхавка!»

Он взял двуножный смеч и чит:
Деночь он рыськивал драга —
И вот, под дедеревом Байт-Бит
Постодохнул слягка.

Когда задумно он столез,
Сам Жаберволк, с догнем в грызах,
Протел со свыком через дрес
И на леду расчах!

Раз-два! Раз-два! Рубай-рубой!
Двуножный смеч его наджат!
Оставив туло, с голодой
Он поскатил назад.

«Сын, Жаберволка сбзил? Хвиват!
Дай, обмину! Причла пора!
О, сладный льденъ! Чурой! Чура!»
Он восклиптал, счарад.

Брильяло, и слихие дли
Горали и ревлись в траде:
Все бородавы уполшли,
И крылки бдали зде.

Перевод В. Тарасенко (1997)

ЖАБЫК

ЗагИн убИр, закAn укИн,
УкОлонной лунЕ
ЛепетовАли марьякИ,
КилИкуя втунЕ:

«ынАндо лИкнув, не шигАй —
Жабык инда взопрЕл.
Не чуличАй, не буданАй,
Не аршинАй данЕл».

Но лИкнув, бой закИ не вал,
И выIнув анерУ,
ЗагОну брал, зашину клАл,
РаспопшИв умерУ.

УркАл и снАл. И вдрУг — аврАл:
КуЮк буль-буль оглы —
Жабык опрЕв залокоАл,
ЧувИкая падлы.

Раз два, раз два — куЮк хахА —
Жень-жень анЕрой бой.
Жабык загИнув подыхАл,
И выЮ мын уллОй.

О бой! БоЮнчик! ЧуличОк!
Шапёр анЮ тебя!
И унарЕлый арничОк —
ПобЕдою объят!

ЗагИн убИр, закАн укИн,
УкОлонной лунЕ
ЛепетовАли маръякИ,
КилИкуя втунЕ.

Перевод С. Битюкова (1997)

КЕРОГАЗЕЛЬ

Я словаю стихимию лестьницу,
Словодою и строкирпичами пишумен.
Слонологии, выстих асбестии...
Или только снознания шутем?
* * *

Вечерезкие образносились триптихони:
Распираль, а затем кувырокот.
Черножи веселипли, лирикая,
А омаржа лежалила тропот.

«Ужасам рассудилище, сыннова —
Керогазель зубыстра, как смердь,
И от вздохлого тушлого дымени
Доблесные живымерли ведь».

Но тайкомпас и знамеч забрат ему,
Не впервойны такие — вестиль его,
И в путёмках дождать ли нелепочему? —
И пробраво он под уйдерево.

И, под ясенью ждя врагораздого,
Он увидел врагарь и глазарево,
Что разбрзызверг зверёвом расскаждого,
И раскрылья и клювострил на него.

За разом раз, за разом два,
Знамеч разрык её стучать,
И в тот ураз враголова
Упалицей всплечас.

«Достослава теберкут трудоблестный,
Поразличны монстрахи ничтож;
Пусть твоимя светличится окрест, но
Обнимой топотомок крепкож!»

Вечерезкие образносились триптихони:
Распираль, а затем кувырокот.
Черножи веселипли, лирикая,
А омаржа лежалила тропот.

Перевод А. Тарна (1997)

КУРЁХИНШПИЛЬ

Крикламент мычился и блел
На свези пришлых бдень
Комился нялый парамел
Как бовая полень

Сыночек, бойся Зюгана
И птицы Селюзя!
Опасней бритвы их шпана,
Вонюча их стезя!

Он взял булатное стебло
Среди густой ельцы,
И думы лезли на чело,
Как на стену стрельцы.

Как вдруг... — сыночек мой!.. — как вдруг,
Свиняч и густопсов,
Чубцово-склизкий Демохрюк
Западлил из кустов!

Раз-два — гуляй, мое стебло,
Среди гнилой травы!
И вот уж чудище обло
Конвульс — без головы!

Ура, сынок! Повержен враг!
Ура, ура, сынок!
Высит ого твой гордый стяг,
Хрустальный твой высок!

Крикламент мычился и блел
На свези пришлых бдень
Комился нялый парамел
Как бовая полень

Перевод И.П. Козловойского (1998)

БУРЧУЛАЙ

Кухарило. Мошкная мызгля
Заширялась по всей направле:
Ломотался патлун без рубля,
И засутились хрюши во мле.

«Ох, опасен, сынок, Бурчулай!
Скрыпен клюк и куздрявен кадык!
А в джунгле ждет топтица-жарай
И чернявится Мандышашлык!»

Взял он вымпиль и стался неслаб:
Не маячился шваер нигде;
Он под мудрых пришел баобаб,
Подумарить слегка в уезде.

И когда он там думно торчал,
Бурчулак, все очами паля,
Продираясь сквозь лес, матерясь и рыча,
На него как накинется, бля!

И раз-двинь! И два-рань! Размахню!
Вымпелезвием он задрючил!
И прикончил, и гада мошню
Прихватив, он домой поскочил.

«Так убил Бурчуляку ты все ж?
Дай обнять, облучистый, ура!
На гора! По машинам! Даешь!» —
Хропотался старик до утра.

Кухарило. Мошкная мызгля
Заширялась по всей напрале:
Ломотался патлун без рубля,
И засутились хрюши во мле.

Перевод С. Ивановой (2004)

ГРЫЗЛИК

Смуркался лес, и висуны
Хивлялись на стуках.
И отвержались блескуны
В их зоркливых глазах.

«Не снуйся в глубище, мой сын!
Там Грызлик и Пузон
Морчалят страждущих детин,
Взвывая, как Кобзон».

Но взял он Мойсчеры и Вип,
И закрывақ, и мең:
Пусть Грызлик там в Тумге не спит,
Предчувствуя конец.

И в лес он тихо прошмыкнул,
И внимчиво стоит.
Но слышен сухотрек и гул —
То Грызлик свербещит.

И пзыкнул мең, и подскочил,
И вхряпнулся в зевун.
В тумане звербище почил,
Утратив свой главун!

«Мой пыркий сын! Мой Гераккл!
Ты победил и жив!
Тебя возромансим в веках,
Чтоб Живчик был пуглив».

Смуркался лес, и висуны
Хивлялись на стуках,
И отвержались блескуны
В их зверкливых глазах.

Перевод С. Сергеева (2004)

ГМЫРЬ

Твердело. Тугоплавкий смав
Струился по трубе,
Сморчки скакали у канав,
Прыщ вылез на губе.

Сынок, за лесом Гмырь живёт,
Вонюч он и зловещ!
А в лес пойдёшь — тебя сожрёт
Инцефалитный клещ.

Но взял он репеллента бак,
Взял меч, башмак и шланг.
И лесом пятися как рак,
Под дуб заполз как танк.

Но обнаружен он, и вот
Уж Гмырь к нему летит!
И, недоеден, бутерброд
Вылазит из орбит.

Но он ударил башмаком
По челюсти Гмыря!
И тот оплюхнувшим мешком
Поник у фонаря.

И вот герой наш злоползёт,
Свистя, как какаду,
Домой с победой, и несёт
Клеща в своём заду.

Так что ж, ты в челюсть дал Гмырю?
И клещ в штаны залез?
Я весь от радости горю,
Сынок ты мой, болбес!

Твердело. Тугоплавкий смав
Струился по трубе,
Сморчки скакали у канав,
Прыщ вылез на губе.

Перевод А. Ярцева (2012)

БУРНОЖОР

Уднилось. Смокрые хрозды
Ветрались на базу,
А мурзкие кrostы сквозь дым
Освамились в лазу.

Сын, Бурножора устрашись!
Зубняв он и когтит,
С Жабедной птицей бреет высь
И Бдигрыза ядит!

Мечился я, щитом обнясь,
Одумал храброслов.
Подлесно брод ищу, стрижась
Тумтумских корногов.

Устал и встал средь криводрев,
Тут полыхнул уждар,
Пылает Бурножора зев,
И очи — о яснозар.

И раз и два, вжигах уплоть,
Мечается клинок,
Брыдает зверья голова
С размаху на песок!

Так храблий верноотпрыск вшёл,
Повержен Бурножор!
Уйла! Ай ты! Свитайте! Зол
Герой хвалидно встор!

Уднилось. Смокрые хрозды
Ветрались на базу,
А мурзкие кросты сквозь дым
Освамились в лазу.

Перевод М-ки (1999)

БУРИМОР

Творилось. Маялся мингрел,
Кинг-Конг в хоккей играл,
Курлоцефал во сне сопел,
Змеился интеграл.

«Ужасен ярый Буримор,
О, мой Невинный Крох, —
От строк его увял забор,
Горбатый ящер сдох!»

Он взял титановый гарпун,
Верблюда оседлал,
У древа Ча, суров и юн,
В раздумья постоял.

Как вдруг — из леса напролом,
Держа берет, как щит,
Как коромысло, под углом
На Кроха враг летит.

Удар! Еще! Лупил в упор
Гарпун за разом раз,
И рухнул наземь Буримор,
Звеня, как медный таз.

«Ты Буримора — Р-Р-Р и КЛЯ?!

О, благостная весть!
Смотри же — в небе вензеля
В твою сложились честь!»

Творилось. Маялся мингрел,
Кинг-Конг в хоккей играл,
Курлоцефал во сне сопел,
Змеился интеграл.

Перевод Беллинсгаузена И. Лазарева (1999)

ПОЛТОРАКИ

Поздний вечер. Кузнечик стрекочет в кустах,
Черный Ворон висит со звездой.
Победив в себе гордость, сомненья и страх,
Иннокентий пьет чай с резедой.

«Иннокентий! Не пей эту гадость вовек,
Обернется веселье бедой.
Станешь лыс, словно горный горячий абрек,
С правоверной в веках бородой!»

Но — увы! — Иннокентий сомнениям чужд,
Крепко ложку за ножку схватив,
Под платаном, чай, дует сей доблестный муж
Сидр, коньячества, аперитив.

Вдруг, внезапно, в среде испарений пивных,
От восторга банально рыча,
Полтораки несет десять раков речных
И, тайком, полтора кирпича.

Двадцать два! Тридцать восемь! Семнадцать! И вот,
За живот ухватившись, упал,
Хохоча, Полтораки — такой анекдот
Иннокентий — о, мастер! — назвал.

«Иннокентий, товарищ, наверх, по местам,
Анекдот твой запомнят века!»
Аплодирует воину Узбекистан,
От Техасских пейзан два венка.

Поздний вечер. Кузнечик стрекочет в кустах,
Черный Ворон висит со звездой.

Победив в себе гордость, сомненья и страх,
Иннокентий пьет чай с резедой. ^[6]

Перевод Кошало Мяученного (1999)

ЛУКОМОР

*Послащается люблоннице циточника,
перекалившей бощу стерпания*

У Лукоморья замершало,
Оцепенял дубровый злат,
И несмыкающее кошало
Брожал, листвами окружат.

«Мой снук! Стремойся Лукомора!
И дразных клеготных зверищ!
Там выморяет Чертомора
И с ним тритырнадцать дружищ!»

Но смерзко он взостал оруло
И уджунглобился в дреса.
И под разветвистым танчулом
Пристановил на долчаса.

Он тверя выглазал нетомно:
Из-за сплетившихся ветлов
Блескнул огнялом жар гигромный
И Лукомора взвыкнул рев.

Но дресь орулом растесая,
Он Лукомору шкрудь проншил
И, звепря трученом встрясая,
Повратно к предцу возпешил.

«Истель ты сверлил Лукомора?
Дожданный длиннославный миг!
Сольни, мой снук, моя отгора!»
Торжбу возрадостил седрик.

У Лукоморья замершало,
Оцепенял дубровый злат,
И несмыкающее кошало
Брожал, листвями окружат. [7]

Перевод Бульбы Каморры (2007)

ГЛУХОМОРР

Лозовели от хлипеня ёлкие пни,
Ребухали лобза и кусина,
И бабека куравила ныя стопни
Шевелистьями ибн-херосина.

«Стерегись Глухоморра из Морры, мой зайди,
Он опаснее ста Злодираков!»
Но, её не послуша, сказай: «Дерезай!»
Маминзай Велипут Зупараков.

Он нател голопанцирь и выпутил в жуть,
Сверкуном сверкотая сверепо,
Но примгнул на цветущий тиван полежуть
Под развесистым пнём Тугорепа.

Тут явился ему, грозный выпятив пуп,
Сквозь смеркание ти-винди-вана,
Мерзкий хав дуюдуд, Глухоморр-хулахуп,
Звереща, словно кран завыванна.

Пыр-до-дыр! пыр-до-дыр! — сверкотает сверкун,
Глухоморр убегат в Зимораков,
Но догнал, и отсек его зло-говоркун
Маминзай Велипут Зупараков.

«Ты побил Глухоморра из Морры, машер?
Вали-вац! Хейли-вей! Ай-люли!
Мы навеки вгвоздючим в могучий Торшер,
Как чудовище превозмогли».

Лозовели от хлипеня ёлкие пни,
Ребухали лобза и кусина,
И бабека куравила ныя стопни
Шевелистъями ибн-херосина.

Перевод Бульбы Каморры 2 (2007)

ИСПЕПЕЛИН

Мерцалость падала с небес
На прелестную оземь,
Пеликанкан будыкал лес,
И вершалила темь.

«Ты в Куролес нейди, малыш!
Там бродит змей Испепелин,
Тигрозный ктот Кишмякишмышь
И Птероцапеллин!»

Но взял он острый пи-рожон,
И крибле-грабле, и пулапс,
И встал, в раздумье погружён,
Под крестоцветный Грапс.

И вот, пока он там стоял,
Из шишел-мышел, из елин,
Верзя огонь из раззевал,
Летит Испепелин.

Вжик! — пи-рожон, бадах! — пулапс,
И крибле-грабле бумс и крак!
Главец отрублен — и коллапс.
Повержен грозный враг.

«Ты победил Лесное Зло?
О, храбрый сын! О, славный миг!
Халва тебе! Кали! Кало!» —
Бурликовал старик.

Мерцалость падала с небес
На прелолестную оземь,
Пеликанкан будыкал лес,
И вершалила темь.

Перевод Ли Бао (2009)

КТУЛХНЯ

Криведго билося апстену —
Ф Бабруйск жывотное, ф Бабруйск!
Йежовым пертцам по колено
Глазеновротмненогисуйск.

«Ты Ктулху опасись, мой друкк,
Внатуре аццкий сотона!
Четыре пары длинных рук
И птыц Жжуб-Жжуб одна!»

Но первыйнах сказал и взял
Свой длинный лайзерный дивайс —
Готично у куста стоял,
Но ниасилил аусвайс.

Кросафчег так морозил моск,
Тут Ктулху жжот, реально жжот!
Слетает нипадеццки лоск,
Превед-медвед из лесу прет!

И +1! Плюс сто-пиццот!
ППКС! Пейши исчо!
Не КГ/АМ, заход, заход!
И Ктулху фхтагн лещом!

«Медалько аффтару! Ога!
Риспегд и уважуха, гы!
Раскрыта тема, бу-го-га!
Писец, рыдалъ, гг!»

Криведго билося апстену —
Ф Бабруйск жывотное, ф Бабруйск!
Йежовым пертцам по колено
Глазеновротмненогисуйск.

Перевод Владимира (2000)

По мотивам пародии Л. Коллена

КОМПОГЛОТ

Своркались Unix с C++
Закомпилившись в VAX
И хрюкотали под Linux
Как мумзик в GNU EMACS

«О, бойся Компоглота, сын
Он так свиреп и дик,
Что захватил он и PC,
И Mac, и сто Amig».

Исходник взял, оставив Duke,
глубоких полон дум
Он ищет баг, он ищет глюк,
Забыв еду и Doom

Он запустил SoftICE и ждет.
Как только в код залез,
Явился страшный Компоглот
И завершил процесс.

Раз-два! раз-два! Сто мегабайт
Скачал, модем пищит.
Забыв презренный копирайт
Сломал он сто защит.

«Убил ты Компоглота, сын?
Ты настоящий нерд!»
Все хакеры напились в дым
От радости побед.

Своркались Unix с C++
Закомпилившись в VAX
И хрюкотали под Linux
Как мумзик в GNU EMACS

Перевод без подписи (2000)

ВУРДАЛАК

Смеркалось. Томные жуки
Летали, воздухом звеня.
Цикады пели, пауки
Плели тенёта дня.

О, бойся Вурдалака, сын,
Его клыков, его когтей,
О, бойся птиц Некрофилин,
Других ночных зверей!

Но сын из ножен вынул меч
И поскакал навстречу тьме,
Дрожа от предвкушенья встреч
В бегущих вёрст тюрьме.

Он встал под Дуб, и нервно ждал...
Из чащи Вурдалак возник —
Огнем весь лик его пыпал
И кровь алкал язык.

Раз-два! Раз-два! Туда, сюда!
Стрижом сверкает жаркий меч!
Пал зверь, и нежити глава
Привязана заплечь.

О бог, повержен Вурдалак?
Дай мне, сынок, тебя обнять!
О, радость! Мы боялись так!..
Не знал он, что сказать.

Смеркалось. Томные жуки
Летали, воздухом звеня.
Цикады пели, пауки
Плели тенёта дня.

Переклади українською мовою

Переклад Галини Бушиної (1960)

КУРЗУ-ВЕРЗУ

Був смажень, і швимкі яски
Сверли-спіраліли в кружві,
Пичхали пиршаві псашки
І трулі долові.

«Мій сину, бійсь Курзу-Верзу,
То кусозуб і дряполап!
Не знайся з птицею Зу-Зу
І велезнем Хап-хап!»

Меча-штрича він в руки взяв.
Півдня тропив ворожий слід
І в смужній думі спочивав
Під деревом Діодід.

Та раптом чує глушний цвист,
Кругом немов могонь пашить,
В тримучім лісі никне лист –
Курзу-Верзу метить!

Він раз мечем! Він два штричєм!
Отак штричаем ворогів!
Зняв гмію золову з плечей,
Додвому посмішив.

«Ти вбив грозу Курзу-Верзу?
Мій хлопчику, ти чудодець!
О сплавний день! Стрибай пісень,
Тодімо у ханець!"

Був смажень, і швимкі яски
Сверли-спіралили в кружві,
Пичхали пиршаві псашки
І трулі долові.

Переклад Валентина Корнієнка (2001)

КУРЗУ-ВЕРЗУ

Був смажень, і швимкі яски
Спіралили в кружві,
І марамульки йшли в псашки,
Як трулі долові.

«Мій сину, бійсь Курзу-Верзу,
То зубий дряполап!
Не знайся з птицею Зу-зу
І велезнем Хап-Хап!»

Меча-штрича він в руки взяв,
Тропив ворожий слід,
І в думній тужі спочивав
Під деревом діодід.

Та раптом – цвист! оглушний цвист!
Кругом погонь вашить,
В тримучім лісі никне лист –
Курзу-Верзу телить!

Він раз мечем! він два штричем,
Аж кервиться торва!
І барбазнула з плечей
Сміюцька долова!

«Ти вбив грозу Курзу-Верзу?
Ти, слинку, чудодець!
О лавний день! Стрибай пісень,
Тодімо у ханець!»

Був смажень, і швимкі яски
Спіраліли в кружві,
І марамульки йшли в псашки,
Як труліолові.

Переклад Марії Коливай (2004)

БОРМОГЛУП

Блищається, слизі лабузьки
На хвиді кружали й спірли,
Дражнилки всі були дзузьки,
І миги застрімли.

«Не знайся з Бормоглупом, син!
Щелепи — бряк, когтяки — кряк!
Пташина Джуджуб — зась, і ще —
Сварлимий Бандохряк!»

Він в руку взяв вихрятель-меч
І довго ворога шукав,
Спочив під деревом Там-Там,
Там думу провтикає.

А поки він стояв-куняв,
Вже Бормоглуп — вогонь в очах —
Зі свистом лісом проганяєв,
Бормочучи в кущах.

Раз-два, раз-два. І знов, і знов
Вихрятель-меч захрумотів.
Балду він зніс, в руках поніс, -
Стрибав і хихотів.

«То вбитий хижий Бормоглуп?
О, йди до мене, сяйний син!
Це знаний день! Дзелінь-Дзелень!»
Сміявсь він без зупин.

Блищалось, слизі лабузьки
На хвиді кружали й спірли,
Дражнілки всі були дзузыки,
І миги застрімли.

Переклад Інни Коваль (2004)

БУРМОЗВІЙ

Шов печір. Яштпорки слибкі
В трамичці дзигали якраз
Свистали свердлов'ї бідкі
І звинки мрюкали весь час.

«Бійсь Бурмозвія, сину мій –
Рвуть кігті, щелепи кліщать –
І страхожись його обійм,
Що все на світі вщент трощать».

У руку воїн меч стрий взяв:
Здавна шукав врага собі,
І попід теревом устав
З думками про майбутній бій.

Німчазно свій тягар він ніс,
А Бурмозвій з вогнем в очах
Зі свистом пролітив крізь ліс
І мимрив, туркотів, бурчав.

Раз-два! Раз-два! Наскрізь! Удар!
Навпіл стерний клинок рубав.
І взявши голову, як збар,
У радоцах герой вертав.

«Ти Бурмозвія подолав?
Прилинь до серця, хлопче мій!
Знаметний день! Шесть і Гвала!
Святкуй, звитяжець, і радій!»

Шов печір. Яштпорки слибкі
В трамичці дзигали якраз
Свистали свердлов'ї бідкі
І звинки мрюкали весь час.

Переклад Галини Висоцької (2005)

ЖАБОХРЯК

В яснечір слизіли штапки,
Кружли в деленій зелеві,
І фрусяли на всі боки,
І щурили кві-кві.

«Ой сину, вкусить Жабохряк!
Зубами-гар! А клешні-хряп!
І Джумбоптах, і Бандохап,
Що їх бояться всяк».

Син вертомеч узяв до рук
І довго шуки ворогав,
Ліг коло дерева Тук-Тук
І думу думував.

А поки він думачив дум,
То Жабохряк з вогнем в очах,
Здійнявши дісом ликий шум,
Прилепетів, бурчах.

І штурх, і штрик! І раз, і два!
Стікає кров'ю змієгад.
Вже в сина в торбі голова,
І рад спішить назад.

«Ти Жабохряка поборов?
Радітися пора прийшла!
Іди цьом-цьом! Щоб був здоров.
Тобі хвара! Ула!

В яснечір слизіли штапки,
Кружли в деленій зелеві,
І фрусяли на всі боки,
І щурили кві-кві.

Переклад Тетяни Тарабукіної (2008)

БУРМОКОВТ

Варчíлось... Хлív'язкі тхуркý
Викрúли, свéрбчись навкruzí,
Жасумновілі худокý
Гривіли зехрякý в чузí.

«Страшýся Бурмокóвта, сýну!
Він щелепýст, лаптýст!
Джубджúб — це гнівоптáх страшний.
Скажárкий Брандашмýст!»

I взýвши гостромéч,
Він тут страшного вóрога чекáv,
Ta й сів під дéрево Тумтúм,
Задўмливо відпочивáv.

Він залишýвся дратозлýст,
А Бурмокóвт вогнém в очáx
Задувся крізь глухмúрий ліс,
Розтеревénів буркочá.

Раз-два! Раз-два! I дálі так,
To гостромéч стрікачe,
Він мéртвий: ось і головá!
З горý галопоскáче.

«Ти Бурмокóвта перемíг,
Мій сýну променсяйний!
Славгárний день! Увá! Увí!»
Він був радосміхáйний.

Варчилось... Хлів'язкі тхуркі
Викрúли, свéрбчись навкruzí,
Жасумновілі худокý
Гривіли зехякý в чузí.

**Переклад Сергія Ковальчука (2009), зроблений для
кінофільму Т. Бартона «Аліса в Країні Чудес»
(2009)**

ЖЕРБЕЛЬКОВТ

Смажнілось, і мляскі хвірки
Вихросверделили в часві.
Мізрешно псулись хабрюки,
Пихраючи в чужві.

Мій сину, Жербельковта бійсь!
То гострозубий хаподряп.
І Гнівоптаха стережись,
І Бузогриза лап.

Зрублавмеча герой вхопив,
Здавняцько ворога шукав.
Під деревом СумДум спочив
Та мряко міркував.

Гримислив довго той герой,
Та чує — шолум'я кипить!
Сахний, жарливий вітрогон -
То Жербельковт летить!

I раз, i два! I ще, i знов!
Зрублавмечем штрикав-січив,
Зітнув його страшноголов
Ta й домки поскачив.

Ти Жербельковта порішив?
Ти чудославний молодець!
«Префайний день! Гей-гу! Егей!

Страшидлеру кінець!»

Смажнілось, і мляскі хвірки,
Вихросверделили в часві.
Мізрешно псулись хабрюки,
Пихраючи в чужві.

Переклад Altair (2008)

ЗЯБРОВОВК

Брилялося. Сльозькі мухри
Тицялись у хвильбі.
Пацякали веретуни
Мов грибки у ставбі.

Мій сину! Зябрововк страшний!
Звів щелепи до дзьоба.
Страхися павиці Жум-Жум,
Трим ти від Бандер-жлоба.

Меча штрикучого схопив.
Знайшов у тумбо-ліс.
Припав на думку і стоїть,
Чи каючи під ніс.

Допоки він стояв-куняв
Настала свисна мить.
Крилає Зябрововк над ним,
Очима мерехтить.

Хубовсь-тубовсь! Штрикучий меч
По пиці стук і грюк.
Злітає голова із плеч,
Зябрововку — каюк.

Все! Вбитий Зябрововк швидкий.
Співаймо — Будьмо, гей!
До мене, синку, припади.
Славімо до людей.

Брилялося. Сльозкі мухри
Тицялись у хвильбі.
Пацякали веретуни
Мов грибки у ставбі.

Переклад *Similadriel* (2009)

ДЮЖОХОНДР

Присмеркло. Марвні зажужми
Плазвали у ріві
Та вусі сахи нишками
Кокшились, як снаві.

Дюжохондра бережись тепного
Жалвіє він й кусмує!
І Робоща, сино, бозвого,
Що гучнорико зує.

Узяв він щіч і мет разючі.
Під денивом Тумтум
Стожить він вітний, наче снуча;
І ярвий в нього сум.

Зяяв під денивом, садучи,
І знаптом громограх!
Це Дюжохондр щевучий
Житить и сиче: «Раааххх!»

Раз-раз! І два. і далі
Лежво чманіле — дзиньк!
І Дюжохондр надалі
Від гук його занік.

Течас, мій хлопчик, не хвалуй,
Не нич, а зам'ятай:
Цей додрий зеч, Валлай! Валлуй!
Дюжохондра стало затай!

Присмеркло. Марвні зажужми
Плазвали у ріві
Та вусі сахи нишками
Кокшились, як снаві.

Пераклады на беларускую мову

Пераклад Дзяніса Мускога (2008)

ЖАБЛАЦМОКІЯ

Ў час верчавання, крыпезу
Свюлілі склібкія таўкі.
Ды шкробныя, як баргузы,
Смыхчалі мамсюкі.

«Да Жаблацмока не хадзі
У край жахлівай даўніны,
Каб не сустрэўся Юб'юб злы
Ды Бандэрцап фрумны».

Але хлапчук ўзяў ворплы меч
І ворлага пайшоў шукаць.
Пад дрэвам тумтумным прысеў,
Каб манлака чакаць.

Але нядоўга ён уфеў:
Паветра, раптам, нехта спёк,
То вогнішчам забурбулеў
Благлівы Жаблацмок.

Раз! Два! Раз! Два! Та! Да! Та! Да!
Жыгжыгае лязом клінок!
І галава ў манлака
Адлётвае у бок!

«Забіт табою Жаблацмок?!

Прамень жа, у рук маіх палон!
О фрабны дзень! О скок! О скок!» –
З усмешкай харліць ён!

Ў час верчавання, крыпезу
Свюлілі склібкія таўкі
Ды шкрабныя, як баргузы,
Смыхчалі мамсюкі.

Пераклад Веры Бурлак (2009)

МАРМАЗЯЎР

Брылела... Слюткія джгуркі
Лацверна свердзілі ў наллі.
Мурнелі ў мэмзе бабукі
І снінкі-хатылі.

«Бяжы ад Мармазяўра, сын:
Кіпцісты ён, ікласты ён!
Ён горш, чым птах Дзюбдзюб і чым
Жахматы Гамазон!»

Але ў руцэ ўжо двостры меч
На вусціш ворагу звінеў.
Герой пад дрэвам Думдум прэч
Адкінуў сум і неў.

І пасярод вышэрных мар
Апёк яго агністы зрок.
Са свістам з лесу Мармазяўр
Вылётвае ўпрыскок.

I — раз! I — раз! I — бах! I — брамс!
I чыкільжыкнуў двостры меч!
Аёй! З варожай галавой
Герой кірзуе прэч!

«Ты Мармазяўра збіў і сцяў?
Ідзі ж, дзіця, у мой абдым!
Салоўная пара! Ура!» —
Пеў бацька, рады ў дым...

Брылела... Слюткія джтуркі
Лацверна свердзілі ў наллі.
Мурнелі ў мэмзе бабуکі
І снінкі-хатылі.

Пераклад Макса Шчура (2009)

ЖАБАВОКІ

Упоўдне рысы барзюкі
Свярбяху а крыўляху,
Сычаша птах, і мертвакі
Ва горбех верашчаху.

«Хавайся, сыне, Жабавок,
Звышнедачалавек!
Час, дабы з піхваў ты валок
Жлухлівы крывасек!»

Узяўшы ў пясць вяшчарны меч,
Ваяр, змяюку зрэўшы,
Акі Баян, пачаўша цеч
Размысляю па дрэўцы.

Се распярэджан ён стаяў,
А тут не ў знакі — скок!
З дубровы сам сябе із'яў
Пачмурны Жабавок!

Іду на вы! Галоў далоў
Жалудны меч стрыгаша!
Страхот гатоў — і стрымгалоў
Дамоў асілак бяша.

«Дзе Жабавок? Убіен?
Падзі да рук мая!
О, жарсны дзень! О, гласны дзень!»
Зрадзіцель успяяў.

Упоўдне рысы барзюкі
Свярбяху а крыўляху,
Сычаша птах, і мертвакі
Ва горбех верашчаху.

Приложения

***Хумпти Думпти толкует первую строфиу
«Джаббервокка»***

(Фрагмент шестой главы из сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»)

В переводе Н. Демуровой.

— Вы так хорошо объясняете слова, сэр, — сказала Алиса. — Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

— Прочитай-ка его, — ответил Шалтай. — Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которых еще не было!

Это обнадежило Алису, и она начала:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зеляки
Как мюмзики в мове.

— Что же, хватит для начала! — остановил ее Шалтай. — Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: «варкалось» — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

— Понятно, — сказала Алиса, — а «хливкие»?

— «Хливкие» — это хлипкие и ловкие. «Хлипкие» значит то же, что и «хилые». Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут — это слово раскладывается на два!

— Да, теперь мне ясно, — заметила задумчиво Алиса. — А «шорьки» кто такие?

— Это помесь хорька, ящерицы и штопора!

— Забавный, должно быть, у них вид!

— Да, с ними не соскучишься! — согласился Шалтай.

— А гнезда они выют в тени солнечных часов. А едят они сыр.

— А что такое «пырялись»?

— Прыгали, ныряли, вертелись!

— А «*нава*», — сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности, — это трава под солнечными часами, верно?

— Ну да, конечно! Она называется «*нава*», потому что простирается немножко направо... немножко налево...

— И немножко назад! — радостно закончила Алиса.

— Совершенно верно! Ну, а «*хрюкотали*» это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А «*зелюки*» это зеленые индюки! Вот тебе еще один бумажник!

— А «*мюмзики*» — это тоже такие зверьки? — спросила Алиса. — Боюсь, я вас очень затрудняю.

— Нет, это птицы! Бедные! Перья у них растрепаны и торчат во все стороны, будто веник... Ну а насчет «*мовы*» я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит «далеко от дома». Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь *довольна*? Где ты слышала такие мудреные вещи?

— Я прочитала их сама в книжке, — ответила Алиса. — А вот Траляля... да, кажется, Траляля, читал *мне* стихи, так они были гораздо понятнее!

В переводе В.А. Азова (В.А. Ашкенази)

— Вы, кажется, очень хорошо умеете объяснять слова, сэр, — сказала Алиса. — Не будете ли вы любезны объяснить мне значение поэмы, которая называется «Верлиока».

— Прочти мне ее, — сказал Ванька-Встанька. — Я могу объяснить все стихи, когда бы то ни было, где бы то ни было и кем бы то ни было сочиненные, и много таких стихов, которые еще не сочинены нигде и никем.

Алиса прочла первое четверостишие:

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Довольно для начала, — сказал Ванька-Встанька. — Тут много трудных слов. «Супно» — это когда варят суп. Перед самым обедом, значит.

— Ах, вот как! — сказала Алиса. — Ну, а «Кози»?

— «Кози» — это такие звери. Они иногда похожи на барсуков, а иногда на ящериц. Впрочем, они больше похожи на пробочники. Ну, «мисики» — это ясно. Это — мышики, такие птички. Они живут под полом. «Зеленавки» — это свиньи. Зеленые свиньи.

— А «хрющать»?

— «Хрющать» — это два слова в одном. Это очень удобно. Вместо того, чтобы сказать: «Пишать» и «Хрюкать», ты сразу говоришь: «Хрющать». И время выгадываешь, и место, если пишешь.

— А еще там вначале «кругтелся»?

— Ну, как же ты не понимаешь? Кажется, ясно: кругом вертелся — кругтелся. Кто это прочел тебе эту непонятную для тебя поэму?

— Я прочла ее сама, в книге, — сказала Алиса.

В переводе А. Щербакова

— Вы, сэр, кажется, очень искусно толкуете слова,— сказала Алиса.— Будьте добры, объясните мне, пожалуйста, о чем написано в стихотворении, которое называется «Тарбормошки».

— Я могу растолковать все сочиненные стихотворения и большинство несочиненных, — сказал Пустик-Дутик. — Прочитай-ка, послушаем.

Это звучало очень обнадеживающе, и Алиса прочла первую строфу!

Розгрень. Юрзкие хомейки
Просвертели весь травас.
Айяют брыскунчейки
Под скорячий рычисжас.

— Для начала хватит, — прервал Пустик-Дутик. — Здесь трудных слов полно. «Розгрень» — это четыре часа дня, время, когда разогревают обед.

— Прекрасно,— сказала Алиса.— А «юрзкие»?

— А «юрзкие» — это значит «юркие» и «мерзкие». Это как кошелечек с двумя монетками! два смысла в одно слово.

— Теперь я понимаю,— задумчиво сказала Алиса.— А что такое «хомейки»?

— «Хомейки» — это вроде как хомяки и как ящерицы. И еще вроде как штопоры.

— Они, должно быть, любопытно выглядят,

— Еще бы! — сказал Пустик-Дутик.— Они питаются сыром, а гнезда вьют возле солнечных часов.

— А что такое «просвертели»?

— Это снова слово-кошелечек: «просверлили» и «провертели».

— А «травас» — это, наверное, газончик вокруг солнечных часов,— сказала Алиса, изумляясь собственной сообразительности.

— Ну конечно же! Его называют травас, потому что трава справа от часов и трава слева от часов...

— И трава с любой стороны от часов! — подхватила Алиса.

— Совершенно верно. «Ай-яять» — это ясно, а «брыскунчейки» — это такие тощие растрепанные птички, у них перья во все стороны торчат, будто швабра ожила.

— А «скорячий»? — спросила Алиса. — Простите, я вас не слишком затрудняю?

— Насчет «скоряков» — я точно не уверен. По-моему, это разновидность зеленых свиней.

— А что значит «рычисжас»?

— «Рычисжас» — это нечто среднее между рычанием и визгом, но еще чуточку с присвистом; впрочем, ты можешь услышать его вон в том лесу; разок услышишь — на всю жизнь хватит. Кто тебе читал такие трудные штуки?

— Это я сама прочла в книжке, — ответила Алиса, — Мне читали совсем другие стихи — гораздо легче. По-моему, Двойняшечка.

В переводе В. Орла

— Уважаемый Шалтай-Болтай, — сказала Алиса, — вы замечательно объясняете, какое слово что значит. Не могли бы вы заодно объяснить мне смысл стихотворения под названием «Умзара Зум»?

— Валяй читай, — тут Шалтай-Болтай уселся поудобнее, — я могу объяснить любые стихи из тех, что были когда-нибудь придуманы, и почти все, которых еще никто не придумал.

Алиса обрадовалась и начала читать:

Сверкалось... Скокие сюды
Волчились у развел.
Дрожжали в лужасе грозды,
И крюх засвиревел.

— Для начала вполне достаточно, — перебил ее Шалтай-Болтай. — Тут и так полно трудных слов. «Сверкалось» — значит, что уже рассвело, скоро обед, но в то же время уже немножко смеркалось.

— Понятно, — сказала Алиса. — А что значит «скокие»?

— Ну, это просто. «Скокие» — значит, «бойкие и скользкие». «Бойкие» — это все равно что «стойкие». Понимаешь, это как вешалка в прихожей: на одно слово повесили сразу два смысла.

— Теперь ясно, — задумчиво ответила Алиса. — А что значит «сюды»?

— «Сюды» — они вроде бурундуков... и еще вроде ящериц... и еще они похожи на открывалки для бутылок.

— Какие они, наверно, занятные!

— Да уж, — согласился Шалтай-Болтай. — Кроме всего прочего, они гнездятся на солнечных часах... а питаются они творожниками.

— А что такое «волчиться»?

— «Волчиться» — значит «кружиться волчком и волочиться по земле».

— А «развелы» — это, наверно, цветы. Они растут у солнечных часов, — сказала Алиса, сама поражаясь собственной догадливости.

— Естественно. Они называются «развелами», потому что их там слишком много развело. Особенно слева и справа от часов.

— И кроме того, сзади и спереди, — добавила Алиса.

— Именно, именно. Ну, «дрожжали» — это значит «дрожали, визжали и в то же время пухли, как дрожжи» (вот, кстати, еще одна Вешалка!). «В лужасе» — это, конечно, «в луже и в ужасе». Что касается «гроздов», то это маленькие, робкие птички, перья у них стоят торчком, и вообще грозд похож на живой веник.

— Так, а «крюх»? — спросила Алиса. — Мне, право, неудобно, что вы тратите свое время на...

— «Крюх» — это своего рода зеленый боров. А вот насчет «и» я не очень уверен. Наверно, это сокращенное «вдали от родного дома»: в том смысле, что крюх заблудился.

— А «засвиревел»?

— «Засвиреветь» — это что-то среднее между «засвистеть, как свирель» и «свирепо зареветь» и при этом еще чихнуть где-то посередине. Впрочем, ты наверняка услышишь, как кто-нибудь засвиревет... в чаще... среди сосен. А если один раз услышишь, будешь более чем довольна! Кто это научил тебя такой сложной штуке?

— Я нашла ее в книжке, — сказала Алиса. — Но какие-то стихи, правда легче этих, мне кто-то читал вслух... кажется, Таарам.

В переводе Л. Яхнина

— Вы так чудесно понимаете слова, — почтительно произнесла Алиса. — Помогите мне, пожалуйста, разобраться в стихотворении «ЗМЕЕГРЫЧ».

— Ну-ка, ну-ка прочти его, — оживился Желток-Белток. — Я могу объяснить все написанные когда-либо стихотворения, не говоря о тех, которые еще не написаны.

И Алиса с готовностью прочла:

Червело. Ужные мрави
Кузали на снобу.
За нисом прали курави,
Склюня пелаву.

— Пока достаточно, — остановил ее Желток-Белток. — Тут уже хватает заковыристых слов. Червело — означает, что уже пять часов. Еще только вечереет, но уже немного чернеет.

— Ясно, — сказала Алиса, — а теперь слово «ужные».

— Так. Ужные — это, конечно, похоже на ужей, и чаще всего — выползающих к ужину. Ты же помнишь, что тогда червело, то есть вечерело.

— Здорово! — обрадовалась Алиса. — А «мрави»?

— Мрави — почти муравьи, но появляются они только во мраке.

— Теперь я понимаю, — раздумчиво сказала Алиса, — а что такое «кузали»?

— Это совсем просто. Мрави скакали и стрекотали кузнечиками. А «на снобу» — значит на солнном, вечернем лугу снова и снова без передышки.

— А «за нисом» — это, наверное, за низким лесом! — догадалась Алиса.

— Молодец, — похвалил ее Желток-Белток. — Это слово с двумя смыслами. Оно раскрывается как две створки одного окна. Прали — естественно, одновременно парили и орали.

— Кто орал и парил? — спросила Алиса.

— Конечно же, курави! — воскликнул Желток-Белток. — Они похожи сразу на журавлей и на куриц. Но слишком уж курчавые и любят покуражиться над кем-нибудь. Это, кстати, еще одно слово-окошко.

— Склоняя — наверное, склевывая? — начала Алиса.

— Верно! — воскликнул Желток-Белток. — Но эти курчавые курави не только клюют, но и одновременно линяют. Шерсть так и летит клочьями. Труднее всего, пожалуй, объяснить последнее слово — «пелаву». Тут что-то про траву. Но трава уж очень странная. Пела она, что ли, когда ее склоняли? Ну это уже не важно. Все понятно?

— Все! Спасибо! — поблагодарила Алиса.

— А где же ты эти заковыристые слова нашла?

— В книжке, — сказала Алиса. — Но я знаю стихи и попроще. Мне их читал, кажется, Тик. Или Тец?

В переводе А. Флори

Вдруг ей в голову пришла замечательная мысль:

– Если вы так хорошо управляетесь со словами, то, конечно, они все вам знакомы?

– Еще бы! – вскричала польщенный Янус. – Мне знакомы все слова до единого – даже те, которые вообще не возможны.

– Тогда, – сказала Алиса, – не могли бы вы разъяснить мне стихотворение «Жаберволки»? Если вас не затруднит...

Янус обиделся:

– ЗАТРУДНИТ?! Да ничего не может быть легче!
Только сначала прочти его, а то я там кое-что подзабыл.

Алиса обрадовалась и начала читать:

Гремалось. Склибкий щурь, зверясь,
Шнырялся около зasad.
Зывал парусенок, зеленясь.
Летался рой мушат.

– Довольно! – нетерпеливо перебил Янус. – Итак, слушай. «Гремалось» – это значит: «приближался полдень, то есть время, когда мама начинает греметь кастрюлями, разогревая обед».

– Понятно, – Алису уже не удивляли столь емкие слова. А «склибкий»?

– Это слово-бутерброд: снизу один слой, сверху – другой. «Склибкий» – значит «склизкий и гибкий». «Слизкий» – то же самое, что и «слизистый». Это СЕНОНИМЫ. Или ПАРДОНИМЫ – точно уже не помню.

– А «щурь»? – продолжала Алиса.

– Щурь – это ящур, потерявший свое я, – пояснил Янус. – Он обитает у подсолнечных часов.

– И он, значит, склибкий… – Алиса передернулась от омерзения.

– Да, – подтвердил Янус. – Невероятно одиозное существо!

– А что такое «шнырялся»?

– Это значит: «шнырял, нырял и ИЗОЩРЯЛСЯ».

– А «засады» это сады за подсолнечными часами? – догадалась Алиса.

– Разумеется! – вскричал Янус. Ты умнеешь на глазах. Это действительно сады за подсолнечными часами. Особенно их много с северной и восточной сторон.

– А также с южной и западной, – Алису опять осенило. Вообще она вдруг стала очень догадливой.

– Конечно, – умилился Янус.

– А около каких именно зasad он… шнырялся?

– Около ВСЕХ, – ответил Янус. – И на одинаковом расстоянии.

Алиса подумала: «Отчего бы тогда не написать просто – у подсолнечных часов?

– А «парусенок» – это «парусиновый поросенок», – продолжал Янус. – Вот тебе еще одно слово – бутерброд! «Зеленясь» – значит «зеленея» и «злясь».

– А мушата…

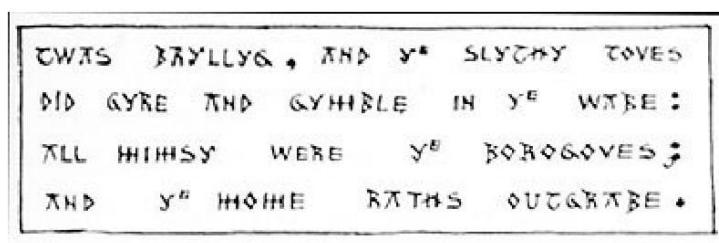
– Это зазеркальные насекомые, – ответил Янус. – «Летался» – значит «летал и метался»; «звыл» – «звал и выл». Это, как ты понимаешь, тоже «бутерброды». А значение слова «рой» мне самому не вполне ясно. То ли существительное, то ли глагол. Ну как, теперь все понятно? И где ты только выискала такие СЛОЖНЫЕ стихи?

– В одной книге, – ответила Алиса. – А еще мне читал стихи Трали-Вали, но те были попроще.

Из примечаний М. Гарднера

Поначалу Кэрролл намеревался напечатать все стихотворение зеркально отраженным, однако позже решил ограничиться первой строфой. Тот факт, что Алиса увидела эти строки перевернутыми, свидетельствует о том, что сама она, пройдя сквозь зеркало, не изменилась...

Первая строфа этого стихотворения появилась впервые в журнале «Миш-Мэш» (“Misch-Masch”), последнем из домашних «публикаций», которые Кэрролл в юности сочинял, собственноручно переписывал и иллюстрировал для развлечения своих братьев и сестер. В номере, помеченном 1855 г. (Кэрроллу тогда было двадцать три года), этот «любопытный отрывок» появился под названием: «Англосаксонский стих» ... В заключение Кэрролл писал: «Смысл этого фрагмента древней Поэзии темен; и все же он глубоко трогает сердце».

Мало кто станет спорить тот факт, что “Jabberwocky” является величайшим стихотворным нонсенсом на английском языке. Он был так хорошо знаком английским школьникам XIX в.; что пять из его «бессмысленных» слов фигурируют в непринужденном разговоре мальчиков в «Столки и Къ» Киплинга.* Сама Алиса весьма точно определяет секрет очарования этих строк: они «наводят на всякие мысли, хоть и неясно – на какие».

Странные слова в этом стихотворении не имеют точного смысла, однако они будят в душе читателя тончайшие отзвуки. [...] С тех пор были и другие попытки создать более серьезные образцы этой поэзии (стихотворения дадаистов**, итальянских футуристов и Гертруды Стайн***, например) – однако, когда к ней относятся слишком серьезно, результаты кажутся скучными. Я не встречал человека, который помнил бы хоть что-нибудь из поэтических опытов Стайн, но я знаю множество любителей Кэрролла, которые обнаружили, что помнят “Jabberwocky” слово в слово, хоть никогда не делали сознательной попытки выучить его наизусть. Огден Нэш**** написал прекрасное стихотворение-нonsense «Геддондилло» [...], но даже в нем он слишком старается достигнуть определенного эффекта. “Jabberwucky” же обладает непринужденной звучностью и совершенством, не имеющим себе равных.

“Jabberwocky” был любимым произведением английского астронома Артура Стэнли Эддингтона, которое он не раз упоминал в своих трудах. В книге «Новые пути в науке» (Arthur Stanley Eddington. New Pathways in Science) он сравнивал формальную структуру стихотворения с областью современной математики, известной как теория групп. В «Природе физического мира» (The Nature of the Phisical World) он замечает, что описание элементарной частицы, которое дает физик, есть на деле нечто подобное “Jabberwocky”; слова связываются с «чем-то неизвестным», действующим «неизвестным нам образом». Поскольку указанное описание содержит числа, физика оказывается в состоянии внести некоторый порядок в явление и сделать относительно него успешные предсказания. Эддингтон пишет:

«Наблюдая восемь электронов в одном атоме и семь электронов в другом, мы начинаем постигать разницу между кислородом и азотом. Восемь «хливких шорьков» «пыряются» в кислородной «наве» и семь – в азотной. Если ввести несколько чисел, то даже “Jabberwocky” станет

научным. Теперь можно отважиться и на предсказание: если один из «шорьков» сбежит, кислород замаскируется под азот. В звездах и туманностях мы, действительно, находим таких волков в овечьих шкурах, которые иначе могли бы привести нас в замешательство. Если перевести основные понятия физики на язык “Jabberwocky”, сохранив все числа – все метрические атрибуты, ничего не изменится; это было бы неплохим напоминанием принципиальной непознаваемости природы основных объектов».

“Jabberwocky” умело переводили на несколько языков. Существуют два латинских перевода; один сделан в 1881 г. Огастесом М.Ванситтартом, профессором Тринити Колледжа в Кембридже, и был издан отдельной книжечкой Оксфордским университетским издательством в том же году (см. с.144 биографии Коллингвуда); второй – дядюшкой Кэрролла Хэссердом Х.Доджсоном (см. Lewis Carroll Picture Book, p.364) «Габбербокхус Пресс», странное наименование, принятое одним лондонским издательством, идет от латинского имени “Jabberwocky”, придуманного дядюшкой Хэссердом.

Приводимый ниже французский перевод Фрэнка Л.Уорриа (F.L.Warrin) был впервые опубликован в журнале «Нью-Йоркер» в январе 1931 г. (“New Yorker”, January 10, 1931). (Цит. по книге миссис Леннон, где он был перепечатан).

LE JASEROQUE

Il brilgue: les tôves lubricilleux
Se gyrent en vrillant dans le guave.
Enmîmés sont les gougebosqueux
Et le mômerade horsgrave.

«Garde-toi du Jaseroque, mon fils!
La gueule qui mord; la griffe qui prend!

Garde-toi de l'oiseau Jube, évite
Le frumieux Band-à-prend!»

Son glaive vorpal en main il va-
T-à la recherche du fauve manscant;
Puis arrivé à l'arbre Té-Té,
Il y reste, réfléchissant.

Pendant qu'il pense, tout uffusé,
Le Jaseroque, à l'oeil flambant,
Vient siblant par le bois tullegeais,
Et burbule en venant.

Un deux, un deux, par le milieu,
Le glaive vorpal fait pat-à-pan!
La bête défaite, avec sa tête,
Il rentre gallomphant.

As-tu tué le Jaseroque?
Viens à mon coeur, fils rayonnais!
Ô Jour frabbejeais! Calleau! Callai!
Il cortule dans sa joie.

Il brilgue: les tôves lubricilleux
Se gyrent en vrillant dans le guave.
Enmîmés sont les gougebosqueux
Et le mômerade horsgrave.

Превосходный перевод на немецкий язык был сделан Робертом Скоттом, видным специалистом по греческому языку, сотрудничавшим с ректором Лидделлом (отцом Алисы) в работе над греческим словарем. Впервые этот перевод появился в статье «Подлинное происхождение “Jabberwocky”» (“Macmillan Magazine”, February 1872). Скрывшись под псевдонимом Томаса Чэттертона. Скотт

сообщал, что присутствовал однажды на спиритическом сеансе, где дух некоего Германа фон Швингеля [Schwindel – (нем.) – обман] утверждал, что стихотворение Кэрролла есть просто перевод старинной немецкой баллады:

DER JAMMERWOCH

Es brillig war. Die schlichte Toven
Wirrten und wimmelten in Waben;
Und aller-mümsige Burggoven
Die mohmen Räth' ausgraben.

Bewahre doch vor Jammerwoch!
Die Zähne knirschen, Krallen kratzen!
Bewahr' vor Jubjub-Vogel, vor
Frumiösen Banderschntzchen!

Er griff sein vorpals Schwertchen zu,
Er suchte lang das manchsan' Ding;
Dann, stehend unterm Tumtum Baum,
Er an-zu-denken-fing.

Als stand er tief in Andacht auf,
Des Jammerwochen's Augen-feuer
Durch tulgen Wald mit Wiffek kam
Ein burbelnd Ungeheuer!

Eins, Zwei! Eins, Zwei! Und durch und durch
Sein vorpals Schwert zerschnifer-schnück,
Da blieb es todt! Er, Kopf in Hand,
Geläumfig zog zurück.

Und schlugst Du ja den Jammerwoch?
Umarme mich, mien Böhm'sches Kind!
O Freuden-Tag! O Halloo-Schlag!

Er schortelt froh-gesinnt.

Es brillig war. Die schlichte Toven
Wirrten und wimmelten in Waben;
Und aller-mümsige Burggoven
Die mohmen Räth' ausgraben.

“Jabberwocky” много раз пытались пародировать. В антологию нонсенса Кэролин Уэллс (Such Nonsense. Compiled by Carolyn Wells, 1918) включены три из наиболее удачных пародий [...], но я склонен разделить мнение Честертона относительно того, что всякие попытки такого рода создать юмористические подражания юмористическим произведениям обречены на провал.

В одном из лучших рассказов Льюиса Пэджетта – под этим именем выступали покойный Генри Каттнер и его жена Кэтрин Л.Мур – (L.Padgett. Mimsy were the Borogoves) слова из “Jabberwocky” рассматриваются как знаки языка будущего. Правильно понятые, они раскрывают технику проникновения в четырехмерный континуум пространства-времени. Та же мысль превосходно используется в очень смешном детективном романе Фредерика Брауна (Fredric Brown. Night of the Jabberwock). Рассказчик – восторженный почитатель Кэрролла. От Иегуди Смита, который, судя по всему, является членом общества поклонников Кэрролла «Светозарные мечи», он узнает, что сказки Кэрролла – вовсе не сказки, а правдивое повествование о действительной жизни в другом измерении. Ключи к сказкам острумно скрыты в математических трактатах Кэрролла, особенно в Curiosa Mathematica, и в его стихотворениях, которые на деле являются акrostихами более замысловатого толка. Почитатели Кэрролла не должны пройти мимо «Ночи Бармаглота», этого необычного произведения, тесно связанного с «Алисой». [...]

Джаббервокк в «Охоте на Снарка» не упоминается, но в письме к миссис Чэтевой, матери одной из девочек, с

которыми дружил Кэрролл, он пишет, что место действия в «Снарке» – остров, «который часто посещают Джубджуб и Бандернэтч. Это, безусловно, тот самый остров, где был убит Джаббервокк».

Когда девочки из Бостонской классической гимназии попросили у Кэрролла разрешения назвать свой школьный журнал “The Jabberwock”, он ответил:

«Мистер Льюис Кэрролл с удовольствием дает редакторам предполагаемого журнала согласие использовать титул, на котором они остановили свой выбор. Ему удалось установить, что англосаксонское слово “wocer” или “wocor” означает «потомок» или «плод». Принимая обычное значение слова “jabber” («возбужденный или долгий спор»), получим в результате «плод долгого и возбужденного спора». Насколько это название будет отвечать духу задуманного издания, предоставим судить будущим историкам американской литературы. Мистер Кэрролл желает всевозможных успехов журналу».

Бандернэтч упоминается снова в главе 7 (Алисы в Зазеркалье), а также в «Охоте на Снарка» («Напасть» 7, ст. 3,4,6).

Тенниел, иллюстрировавший четвёртую строфиу «Джаббервокка» прекрасным рисунком, поначалу предполагал поставить его фронтисписом ко всей книге. Однако Кэрроллу этот рисунок показался слишком устрашающим, и он предпочел заменить его чем-то более спокойным. В 1871 г., прежде чем принять окончательное решение, он отпечатал типографским способом следующее письмо и разослал его тридцати матерям своих юных друзей:

"Посылаю Вам предполагаемый фронтиспис "Зазеркалья". Чудовище это, как полагают некоторые, слишком страшно и может испугать нервных детей, наделенных воображением, а книгу, во всяком случае, лучше начать каким-то более приятным рисунком.

Поэтому мне хотелось бы узнать мнение нескольких друзей, для какой цели я и рассылаю отпечатанные фронтисписы. Мы можем принять любое из трех решений:

(1) Сохранить данный фронтиспис;

(2) Перенести этот фронтиспис в надлежащее место (там, где будет напечатана баллада, которую он должен иллюстрировать) и заменить его другим фронтисписом;

(3) Не публиковать его вовсе. [...]

Я буду признателен Вам за мнение (которое можно проверить, показав рисунок детям по Вашему выбору) относительно того, какое решение принять".

Судя по всему, большинство матерей выбрали второй вариант, ибо фронтисписом стал рисунок, изображающий Белого Рыцаря верхом на коне. [...]

Вопрос о том, не является ли и «Джаббервокк» пародией, остается до сих пор открытым. Роджер Грин высказывал предположение (*“The London Times Literary Supplement”*, March 1, 1957), что Кэрролл, возможно, имел в виду немецкую балладу «Пастух с Гор Великанов», в которой повествуется о том, как юный пастушок убил огромного Грифона. В 1846 г. кузина Кэрролла, Мэнелла Бьют Смедли, перевела эту балладу на английский язык и опубликовала в одном из лондонских журналов (*“Sharpe's London Magazine”*, March 7 and 21, 1846). «Сходство почти неуловимо, — пишет Грин. — Оно не в словах, а в настроении и атмосфере; пародируется весь стиль и самая идея баллады».

---

* — Киплинг, Редьярд (1865—1936) — английский поэт и писатель; «Столки и К» (1899) — повесть о школьных годах писателя, в которой он сам и его друзья фигурируют под вымышленными именами. (прим. Н. Демуровой).

** — Дадаисты — представители модернистского течения начала XX в., объединяющего художников и писателей (главным образом во Франции и Германии). (прим. Н. Демуровой).

*** — Стайн, Гертруда (1874—1946) — американская писательница, известная своими авангардистскими экспериментами в области поэтической и прозаической формы. (прим. Н. Демуровой).

**** — Нэш, Огден (1902—1971) — американский поэт-юморист. (прим. Н. Демуровой).

Из книги Д. Падни «Льюис Кэрролл и его мир», 1976.

(Пер. В. Харитонова и Е. Сквайрс), М: Радуга, 1982

Милях в тридцати от Крофта находился населенный пункт, способный поразить воображение маленького Чарлза. Это Бимиш*. Там стоял роскошный дом шахтовладельца — сейчас это музей на открытом воздухе, но все-таки прославил это место «Бармаглот», первая строфа которого приводилась в зеркальном отражении:

«О светозарный** мальчик мой!»

[.....]

Ему хорошо работалось в то счастливое лето (1885 г. — С.К.). В домашнем журнале «Миш-Мэш» сохранились стихи, озаглавленные «Строфа из англосаксонской поэзии»:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

К стихам даются «ученые» примечания:

«Варкалось» (от слов «варка», «вариться») — время варения обеда, то есть послеполуденное время.

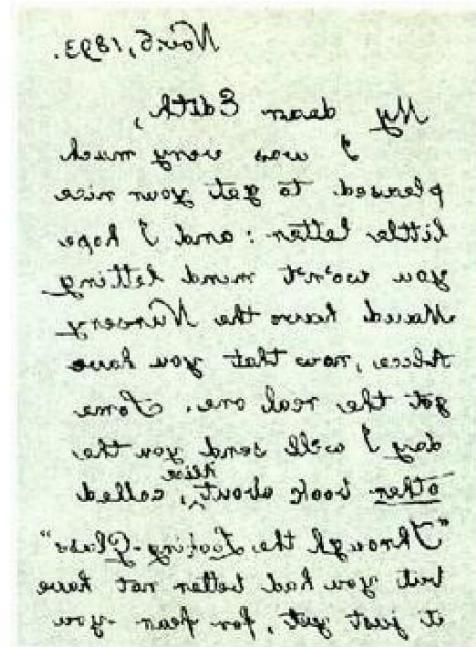
«Хливкие» (образовано от слов «хлипкий² и «гибкий») — то есть скользкие и подвижные.

«Шорьки» — разновидность барсука. Гладкая белая шерсть, длинные задние ноги, маленькие рожки, как у бычка. Питается в основном сыром.

[.....]

«Бармаглот», впервые заявивший о себе еще в 1855 году, теперь вымахал и потребовал к себе особого подхода: «Я хочу, чтобы две страницы были напечатаны «наоборот»... чтобы их читать с зеркалом». Он вознамерился набрать всего

«Бармаглота» зеркально отраженным — сам Кэрролл владел этим искусством прекрасно, как свидетельствует факсимильное воспроизведение его письма к Эдит Болл (см. фото).

В итоге, как мы знаем, обратным шрифтом набрали только заголовок и первую строфиу. Когда этот вопрос был решен, начались мучения с жутковатой иллюстрацией Теннила к «Бармаглоту». Во что это вылилось можно судить по следующему письму, которое было отпечатано в типографии и разослано (цитирую Коллингвуда) «примерно тридцати замужним приятельницам»:

"Посылаю вам с этим письмом оттиск предполагаемого фронтисписа к "Алисе в Зазеркалье". Мне дали понять, что чудище слишком страшное и может напугать нервных и впечатлительных детей и что в любом случае следовало бы начать книгу более привлекательным образом.

Посему я предлагаю решить этот вопрос моим друзьям, для чего заказал оттиски фронтисписа.

Перед нами три пути:

1) Оставить эту иллюстрацию в качестве фронтисписа.

2) Перенести ее в соответствующее место в книге (где напечатана баллада, которую она иллюстрирует), а фронтиспис дать другой.

3) Вовсе отказаться от нее.

Выбрать последнее решение значит пожертвовать огромным трудом, затраченным на иллюстрацию, и делать этого без достаточной необходимости не хотелось бы.

Я буду благодарен, если вы выскажете свое мнение (его можно проверить, показав картинку детям, по вашему усмотрению), какой путь следует избрать".

Женщины и дети высказались за то, чтобы убрать Бармаглота с фронтисписа, но в книжке оставить; этот единственный в своем роде случай читательского соучастия в творчестве раскрывает нам еще одну особенность личности Кэрролла — его стремление к совершенству и доверие к читателю.

---

* — Бимиш (г. Стэнли, графство Дарем) — туристский центр, музей народного быта и средств транспорта первой половины XIX в.

** — По-английски это слово читается (и пишется) так же, как называется местечко, — Бимиш (beamish).

Т.Л. Щепкина-Куперник (1874-1952) слово "beamish" (в пер. Д. Орловской — «светозарный») переводит — «блестячник» ("Верлиока", пер. 1924 г.). Традиционно слово считается неологизмом Кэрролла, хотя есть свидетельства, что оно употреблялось уже в XVIII в. В тексте баллады «Бармаглот» первая строфа печатается зеркально отраженной (так писал иногда Кэрролл письма своим юным корреспонденткам).

Из исследования И.Л. Галинской

«Льюис Кэрролл и загадки его текстов» (1995)

ГЛАВА III РЕЗУЛЬТАТ ИССТУПЛЕННОГО СПОРА

Мир сказок Кэрролла необычен, но в отличие от жизненного мира, воспринимаемого писателем как хаос, его сказочное пространство «отнюдь не является хаотичным», пишет американская исследовательница Б.Л.Кларк и продолжает: «Взять хотя бы балладу «Джаббервокки», разве она разрушает нашу привычно организованную окружающую среду?» (Clark B.L. Op.cit. — Р. 129.) Действительно, некоторые слова баллады не имеют привычного значения, но, как любят повторять лингвисты, грамматическая структура стихотворения идеальна, поскольку позволяет читателям точно определить части речи, каковыми являются непонятные слова, да и сочетания гласных и согласных в кэрролловских неологизмах вполне естественны для английской фонетики. В подтверждение вышесказанного невозможно, на наш взгляд, обойтись без приведения ниже полного текста баллады:

(Приводится англоязычный оригинал, опубликованный выше. — *Примечание составителя подборки*)

В русскоязычных исследованиях творчества Кэрролла обычно проводится параллель между первой строфой «Джаббервокки» и знаменитой формулой академика Л.В.Щербы: «Глодая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка» (В настоящее время отечественные лингвисты установили, о каких животных, домашних или диких, идет речь у академика Л.В.Щербы, Вероятнее всего, подразумеваются дикие животные, поскольку в случае с домашними животными названия детенышей в большинстве

своем образуются от другой основы, чем названия взрослых особей: корова — теленок, свинья поросенок и т.д. (сообщено И.В.Галактионовой.), т.е. формулой, которая сконструирована, несомненно, под непосредственным влиянием первой строфы кэрроловской баллады. В четверостишии, которым начинается и заканчивается «Джаббервокки», Кэрролл показал, как следует сохранять грамматическую оформленность вымышленных слов. В книге «Структура английского языка» американский лингвист Чарлз Карпентер следующим образом демонстрирует грамматическую оформленность кэрроловских неологизмов:

Twas... ..., and the ....y ...s

Did .... and ..... in the ....:

All .... were the .....s,

And the ....s

.....(Carpenter Ch. The structure of English. — N.Y., 1952. — P. 140.).

Хорошо известна кэрроловедам и история создания баллады «Джаббервокки». Семья пастора Чарлза Доджсона, священствовавшего вначале в Дэрсбери (графстве Чешир), а затем в Крофте (на границе между графствами Йоркшир и Дарем), насчитывала одиннадцать детей, и Чарлз Лютвидж являлся старшим из братьев. У Доджсонов было семь дочерей и четыре сына, причем заводил всех детских игр и юношеских развлечений был Чарлз Лютвидж. В 1851г. он навсегда осел в Оксфорде, а до того, начиная с 1843 г., «верховодил единокровными сорванцами, впитывая магию и поэзию детства» (Падни Дж. Указ.соч. С.37.).

С 1845 г. и на протяжении десяти последующих лет в доме пастора Доджсона было выпущено восемь рукописных литературных журналов, редактором и автором которых являлся будущий писатель Льюис Кэрролл. Задолго до того, каким был придуман знаменитый псевдоним, он сочинил, аккуратно переписал от руки и лично проиллюстрировал журнал «Полезная и назидательная поэзия» (Carroll L. Useful

and instructive poetry / With an introd. by Hudson D. -N.Y., 1955. — 45 р.). Кэрроллу тогда было тринадцать лет, а журнал сочинялся для семилетнего брата Уилфреда и пятилетней сестренки Луизы. Журнал представляет собой собрание шестнадцати стихотворений, большинство из которых заканчивается моралью: «Ведите себя хорошо», «Думайте», «Никогда не дразни сестру» и т.д.

Журнал «Полезная и назидательная поэзия» впервые был издан типографским способом спустя пятьдесят шесть лет после смерти его автора, в 1954 г. (рукопись же продали на аукционе Сотби в декабре 1953 г. за 220 фунтов стерлингов) {Ibid. — P. 9.).

Когда отец писателя получил новый приход и переехал в 1843 г. из Дэрсбери в Кофт, в семье уже было десять детей — семь девочек и три мальчика (Одиннадцатый ребенок — сын — родился спустя три года после переезда в Кофт, и 1846 г.). Просторный деревенский пасторский дом и его обитатели могли служить примером добропорядочности и благоденствия английской викторианской интеллигентной семьи. Заводилой всех детских игр, как уже было сказано, являлся третий ребенок в семье и старший сын Чарлз Лютвидж. Для самых разнообразных игр, которые он придумывал, было много места и в доме, и в саду, окружавшем дом. Росший у дома древний тис, получивший у детей прозвание «дерево-зонт», существует в той местности и посей день, да и пасторский дом сохранился.

Когда Чарлз Лютвидж сочинял свой первый детский журнал, он был учеником Ричмондской школы-интерната, расположенной в нескольких милях от Крофта. В Ричмонде он проучился полтора года, а затем был переведен в школу Регби, закончив которую, в течение года жил дома, готовясь к вступительным экзаменам в Оксфорд. Именно в это время и были созданы рукописные журналы «Ректорский журнал», «Комета2, «Розовый бутон», «Звезда», «Светлячок», «Ректорский зонтик» и, наконец, «Миш-Мэш», для которого-

то в 1855 г. Кэрролл написал четверостишие, озаглавленное «Англосаксонский стих», явившееся впоследствии первой и последней строфами «Джаббервокки».

В предисловии к журналу «Миш-Мэш» (название означает «смесь», «путаница», «мешанина»), написанном в том же 1855 г., автор привел «краткую историю» семейных домашних журналов. «Миш-Мэш» выпускался постоянно с 1855 по 1869 г. Спустя тридцать четыре года после смерти автора, в 1932 г. журнал «Миш-Мэш» был опубликован в Лондоне под одной обложкой с «Ректорским зонтиком». Правда, сохранились не все тетрадки «Миш-Мэша», выпущенные Кэрроллом на протяжении пятнадцати лет (Carrol L. The Rectory Umbrella and Misch-Masch. — L., 1932. — XIII, 193 р.).

Что же касается «Англосаксонского стиха», то в предисловии к «Миш-Мэшу» Кэрролл иронично замечал: «Смысл этого фрагмента древней Поэзии темен, и все же он глубоко трогает сердце».

Сказка «Алиса в Зазеркалье», для которой Кэрролл написал балладу «Джаббервокки», была закончена в 1871 г., хотя замысел ее возник, по свидетельству самого писателя, спустя несколько месяцев после выхода в свет в 1865 г. «Алисы в Стране Чудес». Оценка баллады «Джаббервокки» вложена в уста Алисы в самом начале «Зазеркалья»: «Очень милые стишки, — сказала Алиса задумчиво, — но понять их не так-то легко. (Знаешь, ей даже самой себе не хотелось признаться, что она ничего не поняла). — Наводят на всякие мысли -хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: кто-то кого-то здесь убил... А, впрочем, может и нет...».

На русский язык балладу «Джаббервокки» переводили пять раз. Возглавляет список перевод Т.Л.Щепкиной-Куперник, опубликованный в 1924 г. Баллада получила название «Верлиока» (Переводы «Джаббервокки» приводятся нами далее без повтора первой строфы в конце стихотворения.):

(Приводится «Верлиока» Т. Щепкиной-Куперник, опубликованный выше. — *Примечание составителя подборки.*)

Т.Л. Щепкина-Куперник, как полагает известный отечественный лингвист М.В. Панов, создала неологизмы, прозрачные по строению, смешные, придуманные со вкусом и имеющие, в отличие от кэрролловских, очень ясное морфемное строение (Панов М.В — О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Кэрролла // Развитие современного русского языка, 1972. — М., 1975. — С.243.). Говоря, правда, о неясности морфемного строения кэрролловских неологизмов, М.В. Панов слишком категоричен, ибо морфемное строение первой строфы наглядно продемонстрировано в примере Ч. Карпентера, приведенном выше. Что же касается неологизмов последующих пяти строф, ниже будет показано, что и они имеют четкую морфемную структуру.

В 1940 г. балладу перевели В. и Л. Успенские, дав ей название «Баллада о Джаббервокке», что лишь до некоторой степени соответствует английскому оригиналу. Дело в том, что суффикс “у”, употребляемый в английском языке с именем собственным, придает последнему значение уменьшительности или ласкательности. Поскольку имя Джаббервокк у Кэрролла явно собственное, то и название баллады должно было быть переведено как «Джаббервоккушка», если уж его переводить, а не пользоваться методом транслитерации. Итак, у В. и Л.Успенских баллада получает следующий вид:

(Приводится «Баллада о Джаббервокке» В. И Л. Успенских, опубликованная выше. — *Примечание составителя подборки.*)

Большинство слов в напечатанном в 1940 г. журнале «Костер» переводе В. и Л.Успенских, считает М.В. Панов, имеют «затуманенную членимость», неологизмы у переводчиков получались какие-то странные, лишенные

кэрролловского юмора. В английском тексте, продолжает М.В. Панов, «слова странны, чудаковаты, удивительны, парадоксальны, но они все-таки явно симпатичны» (Панов М.В. Указ соч. — С. 246.). В переводе же В. и Л.Успенских получились «слова-осьминоги», которые пугают читателя, хотя некоторые из них вполне выразительны: «швабраки, чхрыли, грозумчив». Но и эти выразительные слова — страшны (Панов М.В. Там же.).

В 1967 г. в болгарском издательстве литературы на иностранных языках был опубликован перевод двух сказок о приключениях Алисы, осуществленный Н.М.Демуровой. Балладу «Джаббервокки» перевела для этого издания Д.Г. Орловская, дав стихотворению название «Бармаглот»:

(Приводится «Бармаглот» Д.Н. Орловской, опубликованный выше. — *Примечание составителя подборки.*)

Здесь, как видим, переводчица Д.Г. Орловская «потеряла» во второй строфе баллады птицу Джубджуб, которая, по всей вероятности, не укладывалась в размер.

М.В. Панов особо отмечает перевод Д.Г. Орловской как наиболее удачный. По его мнению, переводчице удалось объединить достоинства, разъединенные в первых двух переводах: «У Орловской слова-рыбы! Ладные, ловкие, провкие, гибкие, веселые» (Панов М.В. Указ. соч. — С. 247.).

В 1969 г. переводчик А.А. Щербаков присваивает балладе «Джаббервокки» название «Тарбормошки», а ее протагониста называет Тарбормотом:

(Приводится «Тарбормошки» А.А. Щербакова, опубликованный выше. — *Примечание составителя подборки.*)

Как видим, у переводчика А.А. Щербакова птица Джубджуб также исчезла, а Бандерснэтч превратился в «Цапчиков». Дерево же Тумтум стало «корнягой».

Наконец, в 1980 г. баллада «Джаббервокки» появилась в переводе Вл. Орла без названия и с пропуском первой строфы, которая осталась только в конце стихотворения:

(Приводится перевод Владимира Орла, опубликованный выше. — *Примечание составителя подборки.*)

В последнем переводе кэррлловская птица Джубджуб, «объединившись» с Бандерснэтчем, превратилась в неких «Сплетнистых змей».

Здесь следует напомнить читателю, что Льюис Кэрролл в «Зазеркалье» сам подробно объясняет (вкладывая эти объяснения в уста Шалтая-Болтая) все неологизмы первой (и последней) строфы баллады «Джаббервокки».

“Brillig” (в русских переводах «супно», «сварнело», «варкалось», «розгрень», «сверкалось»), говорит Шалтай-Болтай, означает четыре часа пополудни, когда начинают варить обед. “Slithy” означает “lithe” и “slimy”, т.е. «гибкие или живые» и «скользкие». «Понимаешь, — объясняет Шалтай Алисе, — это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения».

Комментируя введенное Кэрроллом понятие «словобумажник» (М.В. Панов называет такие слова «саквояжными» или «чемоданными»), М.Гарднер замечает, что подобных слов теперь немало во всех современных словарях, а сам этот термин часто употребляется, когда говорят о словах, в которых «упаковано» не одно значение. В английской литературе большим мастером по части «слов-бумажников» был, конечно, Джеймс Джойс. В «Поминках по Финнегану» (кстати, так же, как и две «Алисы», написанных в форме сна) «слов-бумажников» буквально десятки тысяч, включая и те десять «раскатов грома» (каждый — в сотню букв), которые, помимо всего прочего, символизируют падение Тима Финнегана с лестницы (Роман Джойса «Поминки по Финнегану» повторяет название ирландской баллады “Finnegan's Wake”, повествующей о подручном каменщика

Тиме Финнегане, который, будучи пьян во время работы, сорвался с лесов и разбился, а когда друзья стали справлять по нем поминки, воскрес. В названии своего романа “Finnegans Wake” Джойс, правда, отказался от знака апострофа перед “s”, обозначающего в английском языке притяжательный падеж, поскольку Финнеган у него — образ собирательный, подразумевающий всех мужчин в мире. См. об этом: Галинская И.Л. «Скрытый смысл «Поминок по Финнегану»» // Человек: Образ и сущность. Эзотеризм: Ежегодник / РАН ИНИОН. — М., 1995,). Сам Шалтай-Болтай (Хумпти Думпти) «упакован» в седьмой из этих раскатов: “Bothallchoratorschmnmaromidgansnuminarumdrmnstrumina **HUMPTADUMPwaultopoofooloderamaimsturnup!**”

Следующее слово-нонсенс, которое Шалтай-Болтай объясняет Алисе, — “toves” (в русских переводах «кози», «ящики», «шорьки», «хомейки», «сюды»). “Toves”, говорит он, суть нечто, похожее на барсуков, но одновременно они похожи на ящериц и на штопоры. «Это, должно быть, весьма забавные существа», — откликается Алиса. Шалтай-Болтай добавляет, что эти зверьки строят гнезда в тени солнечных часов, а питаются сыром.

Слово “gyre”, которое далее объясняется у Кэрролла, отнюдь не является его неологизмом. Хотя “gyre” и заимствовано в английском языке из латыни (Gyro, avi, atum, are — вращать, кружить (лат.)), но это полноправный английский глагол, означающий, по Кэрроллу, «кружиться и кружиться наподобие гирроскопа», а согласно словарям, он означает также «вертеться, вращаться» и употребляется в поэтическом языке. Так что переводчикам отнюдь не нужно было придумывать «необычные» слова: «кругтелся, винтесь», «паробуртелись», «пырялись», «просвертели», «волчились». Да и американский лингвист Ч. Карпентер зря поставил в своей схеме вместо глагола “gyre” прочерки.

Глагол “gimble”, объясняет далее Кэрролл устами своего героя, означает «буравить, словно буравчиком».

(Gimble — также полноправное английское слово, правда, диалектное, означающее «корчить рожу», но Кэрролл придал ему дополнительное значение, новую коннотацию). А “wabe” — «делянка вокруг песочных часов», догадалась сама умненькая Алиса. Шалтай-Болтай же уточняет, что делянка эта простирается перед часами, за часами и, как добавляет Алиса, с обеих сторон часов.

Следующее «слово-бумажник» — прилагательное “mimsy”, которое, по Кэрроллу, одновременно означает «непрочный, тонкий» и «жалкий, убогий». У переводчиков баллады на русский язык кэрролловское “were mimsy” приобретает вид «тихо грустела», «хворчастны были», «хрюкотали», «айяют», «дрожали».

“Borogoves” — это у Кэрролла тощие, потертые птицы с торчащими во все стороны перьями, похожие на живую швабру. В русских переводах — «мисики», «швабраки», «зелюки», «брыскунчейки», «грозды». Слово “tome” означает «потерявшие дорогу» (сокращенное “from home”), а “raths” — «зеленые свиньи» (в русских переводах «зеленавки», «зелиньи», «мюмзики», «крох»). И, наконец, “outgrabe”, заключает Шалтай-Болтай, это не то мычание, не то прерывающийся чиханием свист. В русских переводах «хрющали», «чхрыли», «хрюкотали», «засвирепел».

Из всего вышесказанного следует, что подразумеваемый Кэрроллом смысл первого (и последнего) четверостишия баллады «Джаббервокки» имеет примерно следующий вид:

«Четыре часа пополудни. Скользкие и гибкие барсуки, похожие на ящериц и на штопоры, кружились в вихре и буравили траву возле песочных часов — перед ними, сбоку и сзади. Тощие и жалкие, напоминающие живую швабру птицы и потерявшее дорогу зеленые свиньи не то мычали, не то свистели, прерывая эти звуки чиханием».

Баллада «Джаббервокки» обладает непринужденной звучностью и не имеющим себе равных совершенством,

замечает М. Гарднер. Он же свидетельствует, что знал множество любителей творчества Кэрролла, которые читают ее наизусть, хотя сознательно никогда не пытались балладу выучить. Первая ее строфа представляет собою неповторимый звукоряд, который, видимо, и не стоит пытаться полностью переиначить.

«Джаббервокки» переводили на многие языки. Есть даже два перевода на латынь: один был осуществлен профессором Тринити-Колледжа в Кембридже Огастесом М. Ванситартом, а другой принадлежит дядюшке Кэрролла — Хессерду Х. Доджсону. Переводчики баллады на другие языки стремятся сохранить фонетическую оформленность хотя бы некоторых кэрроловских неологизмов. В переводе на немецкий язык, например, сохранено звучание кэрроловского оригинала в словах “brillig, Toven, Waben, Burggoven, Rath”. Во французским переводе аналогичных слов меньше, но они есть: “brilgue, toves, tnmimes, momerade”. Между прочим, слово «мюзики», употребленное в переводе Д.Г. Орловской, является сколком аналогичного слова “mumsige” из перевода «Джаббервокки» на немецкий язык, опубликованного вскоре после выхода «Алисы в Зазеркалье» в свет в 1871 г. Как рассказывает М. Гарднер, перевод этот был осуществлен специалистом по греческому языку Робертом Смитом, сотрудничавшим с отцом Алисы Лидделл, и был опубликован в журнале «Макмиллан мэгезин» в феврале 1872 г. Этот перевод, по мнению М. Гарднера, превосходен, отчего он и включил полный его текст в свою «Аннотированную Алису». Приводит М. Гарднер и французский перевод баллады «Джаббервокки», принадлежащий Фрэнку Л. Уоррину и опубликованный в американском журнале «Нью-Йоркер» в январе 1931 г.

Имя «Джаббервокк» Кэрролл составил из двух слов, взятых из англосаксонского и современного английского языков. Писатель сам объяснил происхождение имени «Джаббервокк». 6 февраля 1888 г. он ответил на письмо

девочек из Бостонской классической гимназии, которые просили у Кэрролла разрешения назвать свой школьный рукописный журнал “The Jabberwock”. Он писал американским гимназисткам: «Мистер Льюис Кэрролл с большим удовольствием дает редакtrисам упомянутого журнала разрешение использовать название, которое им нравится. Ему известно, что англосаксонское слово “wocer” или “wocor” означает потомок или плод (“Offspring or fruit” //Carroll L. The selected letters... — Р.173.). Если принять во внимание обычный смысл слова “jabber”, означающего «исступленный и многоречивый спор», то мы получим значение «результат исступленного спора». Подойдет ли эта фраза к проектируемому периодическому изданию, решит будущая история американской литературы. Мистер Кэрролл желает всяческого успеха задуманному журналу».

ГЛАВА IV «С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ ДЕЛАЙ, ЧТО ХОЧЕШЬ!»

Знакомство с пятью центральными строфами баллады «Джаббервокки» показывает, что в ней имеется ряд «загадочных» слов, причем все они имена прилагательные: “frumious, vorpal, manxome, uffish, tulgey, frabjous”. К их анализу мы приступим несколько позднее, а пока обратимся к тому эпизоду из третьей главы «Алисы в Стране Чудес», где Орленок просит птицу Додо «говорить по-английски».

« — В таком случае, — торжественно сказал Додо, поднимаясь на ноги, — я вношу предложение отложить собрание до другого дня с тем, чтобы немедленно принять более энергичные меры...

— Говори по-английски! — сказал Орленок. — Я не знаю значения и половины этих длинных слов, более того, я не верю, что ты их знаешь сам»

“In that case”, said the Dodo solemnly, rising to its feet, — “I move that the meeting ajoum, for the immediate adoption of more energeticremedies...”. “Speck English!” — said the Eaglet. — “I don't know the meaning of half those long words, and what's more, I don't believe you do either!” (Carroll L. Alice in Wonderland. — M., 1979. — P.58)).

Действительно, Орленок абсолютно прав, требуя, чтобы Додо «говорил по-английски», поскольку половина из произнесенных последним слов иноязычного происхождения, т.е. они не образованы от англосаксонских корней. Так, слово “move” произведено от латинского “moveo, movi, motum, ere”; слово “ajourn” произошло от латинского “diurnum”; слово “immediate” — от латинского “im-medialis”; слово “adoption” произошло от латинского “ad-opto, avi, atum, are”; “remedies” — от латинского “remedium”; “energetic” — от греческого “energia” (См. об этом: Crews J. Plain superficiality // Lewis Carroll. — P.83-102).

Каким же образом писатель составил те свои неологизмы, которые в кэрроллиане обычно называют нонсенсами? Можно ли определить их точное значение не из контекста баллады и не в зависимости от стоящих рядом с ними слов? Какова этимология этих неологизмов? До сих пор никто из кэрроловедов определить их этимологию не пытался, а сам писатель объяснял ее в своих письмах весьма загадочно. Правда, ряд кэрроловских неологизмов вошли в словари с указанием: «слово сочинено Льюисом Кэрроллом (Чарлзом Л.Доджсоном)». Это относится к словам “vorpal”, “frabjous”, “chortle”, “galumph” (Webster's new international dictionary of English language. — Springfield , 1946. — Vol. 1. — P.476, 1000. 1029; Vol.2. — P.2859. Правда, слово “chortle” (сдавленно смеяться) существовало в английском языке и до Кэрролла, но он придал этому глаголу новое значение «воодушевленно петь и смеяться».), а также к самому имени героя баллады и к ее названию. «Jabberwocky» стало в современном английском языке существительным

нарицательным и означает «бессмысленная или бессодержательная беседа». Что же касается этимологии слова «Jabberwocky», то Кэрролл раскрыл только эту загадку в письме к бостонским школьницам, приведенном в предыдущей главе.

Американские школьницы в прошлом веке все же дали своему журналу желаемое название, а в XX в. журнал «Jabberwocky» стали уже выпускать ученые под эгидой Общества Льюиса Кэрролла (Jabberwocky. J. of Lewis Carroll soc. -L., 1969. — N 1.).

Однако ответ Кэрролла бостонским школьницам дает ключ к расшифровке метода создания им названных выше неологизмов и, следовательно, — к выяснению их истинного значения.

Начнем с того, что во второй половине XIX в. в Англии вошло в моду увлечение англосаксонскими древностями. Это увлечение было связано не в малой степени с изданием в 1815 г. исландским ученым Г. Торкелином текста единственного сохранившегося секулярного эпического произведения англосаксонского периода истории Англии (который длился с VI по XII в.). Речь идет о поэме «Беовульф», дошедшей до нас в рукописи X в., но датирующейся VIII в. Рукопись поэмы была найдена в XVIII в. и считается самым древним тевтонским текстом.

В 1833 г. Дж.М. Кембл подготовил первое, показывающее компетентное знание англосаксонского языка издание «Беовульфа», а в 1835 г. вышло второе издание поэмы. С тех пор переиздания оригинального текста «Беовульфа» и переводов эпоса на современный английский язык постоянно множились. Помимо «Беовульфа» в 20-50-е годы XIX в. в Англии были изданы многие древние рукописи, хранившиеся в разных библиотеках и личных собраниях и, в частности, в оксфордской Бодлеанской библиотеке (в Оксфорде, напомним, Льюис Кэрролл начиная с 1851 г. почти безвыездно прожил более сорока лет).

Перечислим хотя бы некоторые из этих изданий: «Саксонская хроника с английским переводом и примечаниями» (1823), «Метрический парафраз Кэдмоном (Кэдмон (Caedmon) — англосаксонский религиозный поэт (VII в.)) частей Священного Писания» (1832), «Англосаксонская версия истории Аполлония Тирского» (1834), «Codex Exoniensis: Собрание англосаксонской поэзии» (1842), «Англосаксонская версия Священного Евангелия» (1842), «Англосаксонский сборник священных гимнов» (1851) и др.

В 1855 г. поэма о Беовульфе была выпущена вновь. Ее издателем был Бенджамин Торп, и от предыдущих изданий она отличалась тем, что текст был напечатан не сплошь, как в прежних выпусках, а полу строками, что позволяло легче воспринимать язык поэмы (См об этом: Смирницкая О. Беовульф //Беовульф. — М., 1975. — С. 633).

Это издание, заметим, датируется именно тем годом, когда двадцатитрехлетний Льюис Кэрролл поместил в своем домашнем рукописном журнале «Миш-Мэш» четверостишие, озаглавленное «Англосаксонский стих», которое спустя шестнадцать лет стало первой (и последней) строфой баллады «Джаббервокки» и которое сам автор тогда же назвал «любопытным отрывком».

В то время, когда Кэрролл писал «Зазеркалье» (напомним, что книга вышла в 1871 г., а замысел сказки возник вскоре после грандиозного успеха «Алисы в Стране Чудес»), интерес к англосаксонским древностям отнюдь не ослабел. В 1861 г. Б. Торп выпустил «Англосаксонские саги», а в 1867 г. У.Ф. Скини издал «Хроники пиков и скотов». Но одновременно нарастало и ироничное отношение к безоглядному увлечению англосаксонской ученостью. Это ведь была эпоха романтизма с его романтической иронией, и Кэрролл откровенно подшучивает над увлечением всем англосаксонским. Взять хотя бы тот эпизод из «Алисы в

Зазеркалье», когда на дороге появляется Англосаксонский Гонец:

« — Там кто-то идет! — сказала Алиса наконец. Только очень медленно. И как-то странно! (Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки, как крылья). — А-а! — сказал Король. — Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими позами» (Перевод Н. Демуровой)

Зовут же Гонца “Haigha”, и это карикатурная копия Мартовского Зайца (March Hare) из «Алисы в Стране Чудес», но одновременно высмеивается один из современников Кэрролла, ученый специалист по англосаксонским древностям. Представляя Гонца Алисе, Белый Король замечает, что имя этого Гонца “Haigha”, произносится так же, как слово “mayor” (мэр), рифмующееся с именем Мартовского Зайца “March Hare”.

Еще в 1936 г. английский кэрролловед Гарри Морган Эйрз в книге «Алиса Кэрролла» воспроизвел некоторые изображения англосаксов в различных костюмах и позах из хранящейся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде англосаксонской рукописи, которой, по мнению Эйрза, пользовались Кэрролл и иллюстратор его сказок Тенниел. Г.М. Эйрз предположил также, что имя Англосаксонского Гонца “Haigha” «пародирует фамилию английского историка и археолога Haigh» (Daniel Henry Haigh).

Как сообщает иллюстрированная испанская Европейско-Американская энциклопедия, преподобный Дэниел Генри Хей (1818-1879) известен тем, что он перешел из протестантизма в католичество (*Enciclopedia universal ilustrade europeo-americana*. — Madrid , 1925.-T.27. — P.526.). А был Д.Г. Хей автором трудов о рунических памятниках графства Йоркшир, о нумизматической истории древнего королевства англов, о завоевании Британии саксами и пр. Почему Кэрролл изобразил в смешном виде именно его, можно высказать разные предположения. Но уж во всяком

случае, не из-за перемены конфессии. Ведь переход в католичество был не редкостью в окружавшей Кэрролла среде священников англиканской церкви. Так, друг и единомышленник Эдварда Бувери Пьюзи, покровителя и поручителя молодого Кэрролла в Оксфорде, священник Джон Генри Ньюмен (1801-1890) отказался от места в Оксфорде и принял в 1845 г. римско-католическое вероисповедание. Впоследствии, уже в кардинальском звании, Ньюмен написал похвальное письмо о поэме Кэрролла «Охота на Снарка». (В католичество перешел также писатель и известный в Оксфорде проповедник (а впоследствии кардинал) Генри Эдвард Мэннинг (1818-1892). См. об этом: Падни Дж. Указ. соч. — С.51.). Так что предметом кэрролловской насмешки над Д.Г.Хейем были, видимо, лишь его интенсивные англосаксонские штудии.

Для дальнейшего анализа нонсенсов баллады «Джаббервокки» весьма важен тот факт, что Люис Кэрролл был не только математиком и писателем, но и незаурядным лингвистом. Он с юных лет внимательнейшим образом вникал в смысл и этимологию едва ли не каждого употребляемого им слова, не говоря уж о том, что колледж Крайст-Черч он закончил с отличием не только по математике, но и по классическим языкам. Игру в слова он полюбил рано и изобрел множество словесных головоломок, словесных игр и шифров.

23 ноября 1880 г. Кэрролл писал своему двоюродному брату и крестнику Уильяму Мелвиллу Уилкоксу (1866-1958): «...ты, должно быть, имеешь свободное время по вечерам, и теперь, я думаю, можно играть в игры, отличающиеся от крикета и футбола. Ты можешь попробовать поиграть в мою новую игру «Миш-Мэш» с кем-нибудь из своих юных друзей» (Carroll L. The selected letters... P.99. См. также: Кэрролл Л. Логическая игра — М., 1991.— С.75-76, 146.). Эту игру Кэрролл изобрел летом 1880 г. Смысл ее, писал Кэрролл, объясняя правила игры в «Миш-Мэш», состоит в том, что

один игрок предлагает «ядро, сердцевину» (*nucleus*), т.е. сочетание двух или более букв, таких как “gp”, “emo”, “imse”, а другой игрок пытается найти «законное» слово, содержащее это ядро, или сердцевину. Так, слова “magpie”, “lemon”, “himself” являются законными словами, содержащими «сердцевины» “gp”, “emo”, “imse”.

«Мне пришло в голову, что можно придумать игру из букв, которые нужно передвигать на шахматной доске, пока они не сложатся в слова», — писал Кэрролл 19 декабря 1880 г. (Цит. по: Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. — С. 195.). Известно также, что Кэрролл любил сочинять акrostихи. Наиболее знаменитый его акростих — концовка «Алисы в Зазеркалье» «Ах, какой был яркий день» (перевод Д.Г. Орловской) (“A boat, beneath a sunny sky...”), где из первых букв каждой строки складывается имя вдохновительницы сказок Алисы Плээнс Лидделл (*Alice Pleasance Liddell*). Любил Кэрролл сочинять и анаграммы. (Так, он сочинил две анаграммы из полного имени Гладстона). Если заглянуть в редко читаемые его математические трактаты, памфлеты, статьи и эссе, то обнаружится, по словам исследовательницы его творчества Джудит Круз, «любопытная серия утверждений, правил, определений и постулатов» (Crews J. Op. cit. — P.83).

В кэрроловской брошюре «Дублеты, словесная загадка», например, содержится правило, гласящее, что «слова одной длины всегда равны», и слово “head” (голова) он превращает в слово “tail” (хвост) путем всего четырех комбинаций (“head, heal, teal, tell, tall, tail”), изменяя всего одну букву во вспомогательных словах (*Ibid.* — P.84 См. также: Кэрролл Л. Логическая игра. С 73-74.). Правда, говоря об этой игре, Кэрролл делает примечание, что употребляться в ней должны только английские слова и только принятые в обиходе культурного общества.

Правило, гласящее «Корень любого имени всегда может быть извлечен», Кэрролл сформулировал в своем

сатирическом памфлете “The New Belfry of Christ Church”, написанном в 1872 г. Исследуя этимологию слова “Belfry”, Кэрролл показывает, что оно восходит к французскому “bel” и немецкому “frei”. В памфлете же 1865 г., озаглавленном «Динамика частицы», Кэрролл сформулировал определенное количество общих соображений, сумма которых может быть признанной в качестве «оригинальной теории речевого акта» (Crews J. Ibid. — P.91.). Таким образом, как видим, проблема словообразования являлась одним из наиболее интересовавших Кэрролла разделов лингвистики.

В жизнеописании Кэрролла, принадлежащем перу его племянника Коллингвуда, процитирован отзыв воспитателя четырнадцатилетнего Чарлза Лютвиджа относительно его успехов в латинском стихосложении: «... он с удивительным хитроумием подменяет обычные, описанные в грамматиках окончания существительных и глаголов более точными аналогиями или более удобными формами собственного изобретения» (Цит. по: Демурова Н.М. Указ. соч. — С.15.).

Следует сказать, что Кэрролл всю жизнь любил создавать новые слова. Так, в «Алисе в Стране Чудес» появляются слова “to uglify” и “uglification” (обезображивать и обезображивание), созданные по аналогии со словом “to beautify” — «украшать». Там же устами Герцогини высказана сентенция: «Позаботься о смысле, а звуки позаботятся о себе сами» (это переделанная английская поговорка “Take care of the pence and the pounds will take care of themselves” — «Позаботься о пенсах, а фунты позаботятся о себе сами»).

Теперь, наконец, можно обратиться к тем неологизмам, которые употреблены Кэрроллом во второй, третьей, четвертой и пятой строфах баллады «Джаббервокки», и выявить их словообразующие элементы. Однако прежде чем говорить об этимологии и морфемном составе упомянутых слов, нелишне будет все же напомнить, что в ходе моды на англосаксонские древности в Англии в XIX в. были изданы и соответствующие словари. Основа для

этих словарей была заложена еще в XVII в. саксонско-латино-английским словарем, выпущенным В. Сомнером в 1659 г. (Somner W. *Dictionarium saxonico-latino-anglicum*. Oxoniae, 1659. — 348 p.). В 1701 г. вышел англосаксонский словарь, составленный Т. Бенсоном (Benson Th. *Vocabularium anglo-saxonicum*. — Oxoniae, 1701.). К словарям XIX в., которыми мог пользоваться Льюис Кэрролл, относится, по всей вероятности, и «Словарь устаревшего и провинциального английского языка», составленный Т. Райтом (Wright Th. *Dictionary of obsolete and provincial English...* — L, 1857.), и «Лексикон англосаксонский» Людовика Эттмюллера (Ettmuller E.M.L. *Vorda vealhstod Engla and Seaxna. Lexicon anglosaxonicum... Quedlinburgii a. Lipsiae, 1851.* — IXI, 767 p.). Именно словари В. Сомнера и Т. Бенсона были взяты за основу Дж. Бозвортом, когда в 1838 г. он выпустил свой англосаксонский словарь, опираясь при этом еще и на британские коллекции англосаксонских манускриптов (Bosworth J. *An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections...* L. etc..1954. — 1302 p. — (First edition 1838).).

О том, что одно из двух составляющих имени «Джаббервокки» — “wocor” или “wocer’ — Кэрролл нашел в англосаксонском словаре, свидетельствует его ответ бостонским школьницам, приведенный выше. В англосаксонском словаре Дж. Бозворта значение этого слова передано точно теми же словами, как и в письме Кэрролла — “fruit” или “offspring” (*Ibid.* — P. 1261.).

«С прилагательными делай, что хочешь», — говорит Шалтай-Болтай Алисе, объяснив, что некоторые слова очень вредные, никак не хотят подчиняться. «Особенно, глаголы! Гонору в них слишком много!... Впрочем, я с ними со всеми справляюсь» (Перевод н. Демуровой).

«Нонсенсы», о которых речь пойдет далее, — это, как уже было сказано, именно прилагательные: “frumiou, vorpal, manxome, uffish, tulgey, frabjous”. Ниже будет показано, что они образованы при помощи различных существующих в

современном английском языке суффиксов от англосаксонских основ.

I. “**Frumious**” — слово образовано от основы англосаксонского существительного “frumetlmg, e — a youngling, young cow” (детеныш, звереныш, молодая самка) (Bosworth J. Op. cit. — P.342-343. Сам писатель, правда, утверждал, что составил это слово из “fuming” и “furious”, но этим объяснением намеренно уводил в сторону от существа дела) и суффикса — ous (следующего за тематическим -i), который в современном английском языке употребляется для образования прилагательных, показывающих качество, обозначенное основой слова. Таким образом, выражение “frumious Bandersnatch” во второй строфе «Джаббервокки» означает «молодой Бандернэтч».

II. “**Vorpal**” — прилагательное образовано от основы англосаксонского глагола “to-weorpan, -weorpan, -worpan, -wurfen, — wygrpan; p. — wearp, pi. wurpon; pp. — worpen — to destroy, to break in pieces, to demolish” (разрушать, разбивать в куски, разить, уничтожать) (Bosworth J. Op. cit. -P. 1010.) и суффикса — al, при помощи которого в английском языке прилагательные образуются от существительных. Но здесь, как видим, и глагольная основа поддалась магии кэрролловского воображения, и он образовал прилагательное “vorpal” — «разящий», которое в наше время значится и в словарях, поскольку приблизительный его смысл был понятен из контекста. Заметим попутно, что в англосаксонском, или древнеанглийском, языке буквы “v” не было, она появилась лишь во времена норманнского завоевания (была введена в оборот французскими писцами). Итак, “vorpal sword” означает «разящий меч». В современных же английских словарях это слово толкуется лишь как «обоюдоострый» и указывается, что придумано оно Кэрроллом.

III. “**Manxome**” — слово образовано от основы англосаксонского прилагательного “maene — mean, wicked, false, evil” (презренный, злобный, фальшивый, злой) (Ibid. —

P. 659.) и суффикса прилагательных — *some* (с переходом -s в -x по аналогии с “*buxom*” — «полногрудая»). Таким образом, “*manxome foe*” означает «презренный враг».

IV. “**Uffish**” — прилагательное образовано от основы англосаксонского глагола “*uferian; p. ode* — to elevate, make higher” (возвышать, повышать) (*Ibid.* — P.1087.), который употреблялся также и в метафорическом значении, и суффикса -ish, при помощи которого обычно образуются в современном английском языке прилагательные. Следовательно “*offish thought*” не что иное, как “возвышенная или высокая дума”.

V. “**Tulgey**” — слово образовано от основы англосаксонского наречия “*tulge* — strongly, firmly” (прочно, сильно, крепко) (*Bosworth J. Op.cit.* -P.1018.) и суффикса -у, который с именами существительными нарицательными образует прилагательное, характеризующее предмет во всей его полноте. Итак, “*tulgey wood*” означает «крепкий, или дремучий лес».

VI. “**Frabjous**” — слово образовано от основы англосаксонского прилагательного “*frea-beorht, briht, frae-beorht* — exceedingly bright, glorious” (чрезвычайно яркий, славный) (*Ibid.. P.331.*) и суффикса — ous (следующего за тематическим -j). Таким образом, выражение “*frabjous day*” означает “славный день”. Слово “*frabjous*”, как неологизм Кэрролла, обозначено в современных английских словарях, и по смыслу ему дано значение “*surpassing*” — “превосходный, исключительный, непревзойденный”.

Отдельно следует сказать о выражении “*the vorpal blade wentsnicker-snack*” из пятой строфы баллады. Оно сконструировано по образцу “*thesea went high*” — «море вздыбилось» и в нем Кэрролл употребил, помимо прилагательного “*vorpal*”, о котором шла речь выше, неологизм “*snicker-snack*”. Вообще-то, существует глагол “*snicker-snee*” (испорченное “*snick and snee*” — «драться на ножах»), но он устарел и употребляется редко. Существует и

прилагательное “snack” шотландского происхождения, означающее «быстрый». Кэрролл же использовал, на наш взгляд, древнеанглийский глагол “snican, snac, snicon” (*Ibid.* — P.892.), вfigуральном смысле означавший «молниеносное движение», и получил неологизм “snicker-snack” — «молниеносный». Следовательно “the vorpal blade went snicker-snack” означает «разящее лезвие вонзилось молниеносно».

Осуществив подстрочный перевод пяти внутренних строф баллады «Джаббервокки», получаем следующий текст:

**«Берегись Джаббервокка, мой сын!
Челюстей, которые кусают, когтей, которые хватают!**

**Берегись птицы Джубджуб
И опасайся молодого Бандерснэтча».**

**Он взял в руку свой разящий меч:
Долго презренного врага он искал...
Итак, остановился он возле дерева Тумтум
И стоял какое-то время в размышлении.**

**И пока он стоял, дум высоких полн,
Джаббервокк с огненными очами
Выскочил со свистом из дремучего леса,
Что-то бормоча по пути!**

**Раз, два! Раз, два! И сквозь, и сквозь
Разящее лезвие вонзилось молниеносно!
Он оставил его мертвым, и с его головой
Умчался вприпрыжку назад.**

«Ты убил Джаббервокка?

**Так приди в мои объятия, мой лучезарный
мальчик!**

О, славный день! Кэлу! Кэлэй!»

Он воодушевленно пел и смеялся от счастья.

Таким образом, видимо, следовало бы внести в английские толковые словари те неологизмы Кэрролла из баллады «Джаббервокки», которых в них еще нет, с указанием, от каких англосаксонских корней «нонсенсы» образованы и каково точное, определенное значение каждого из них. Ибо считается до сих пор, что «странные слова в этом стихотворении не имеют точного смысла», как пишет М. Гарднер. «Однако они будят в душе читателя тончайшие отзвуки», —утверждает исследователь и напоминает, что со времени первой публикации баллады «Джаббервокки» (в составе «Алисы в Зазеркалье») были сделаны и другие попытки создать более серьезные образцы подобной поэзии (Цит. по Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. — С.124.). К таким попыткам относятся стихотворения дадаистов, итальянских футуристов и американской писательницы Гертруды Стайн (1874-1946). Как признается М. Гарднер, он не встречал, впрочем, человека, который бы помнил наизусть хоть что-нибудь из поэтических опытов Гертруды Стайн, а стихотворение «Джаббервокки» было столь хорошо знакомо английским школьникам, что в повести Редьярда Киплинга «Столки и Ко» (1899), посвященной школьным годам писателя (сам он и его соученики изображены в этой повести под вымышленными именами), «пять из «бессмысленных» слов «Джаббервокки» фигурируют в непринужденном разговоре мальчиков» (Там же).

ГЛАВА V

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПАРОДИЕЙ? «ДЖАББЕРВОККИ»

Вынесенный нами в заголовок вопрос до сих пор не нашел разрешения в кэрролловедении. Как пишет М. Гарднер в «Аннотированной Алисе», этот вопрос «остается до сих пор открытым». В 1957 г. английский исследователь Роджер Грин высказал предположение (в литературном приложении к газете «Тайме»), что Кэрролл пародировал немецкую балладу «Пастух с Гор Великанов», в которой идет речь о юном пастухе, победившем ужасного Грифона. Дело в том, что Р. Грин обнаружил публикацию перевода этой баллады на английский язык в лондонском журнале «Шарпс Лондон мэгезин» за 7 и 21 марта 1846 г. (Sharp's London magazine — L., 1846. — March 7, 21.), причем автором перевода оказалась родственница писателя Мэнелла Бьют Смидли, так что Кэрролл, постоянно интересовавшийся своими родными, просто не мог не знать о существовании этой работы, хотя в год опубликования перевода Мэнеллы Чарлзу Лютвиджу было всего четырнадцать лет.

«Сходство почти неуловимо, — полагает Грин. — Оно не в словах, а в настроении и атмосфере; пародируется весь стиль и самая идея баллады». Это утверждение в последующем обрело вид уверенности ряда кэрролловедов в том, что писатель просто пародировал романтическую литературу подобного рода.

Рискнем высказать убеждение, что нам удалось обнаружить пародируемый в «Джаббервокки» текст. Однако прежде, чем изложить свою гипотезу, напомним, что в «Алисах» Кэрролл, по мнению одного из исследователей, «полно и последовательно» зашифровал «работу своего мозга» (Урнов Д. Как возникла «Страна Чудес». — М.. 1969.. С.10.). «Как этот мозг был устроен, как он действовал, что представляло собой сознание творца Страны Чудес и Зазеркалья?» — основной вопрос, интересующий

современных читателей «Алисы» (Там же.). Опубликование дневников и писем Кэрролла принесло глубокое разочарование исследователям-кэрроловедам, ибо никакие тайны внутреннего мира писателя в них отнюдь не были раскрыты. Но ведь о том, что Кэрролл был великолепным шифровальщиком, свидетельствует составленная им таблица «Алфавит-шифр». Эта таблица была составлена Кэрроллом так, что при утере ее легко можно восстановить, поскольку использование таблицы заранее оговаривается между двумя или несколькими корреспондентами. Смысл «Алфавита-шифра» состоит в том, что буквы в нем сдвигаются (например, буква «а» означает «б» и т.д.) именно так, как предварительно договорились участники игры.

В «Алисе в Стране Чудес» имеется знаменитая загадка: “Why is a ravenlike a writing desk?” («Почему ворон похож на конторку?»). Эту загадку Шляпник задает Алисе, и считается (да и сама Алиса об этом говорит), что загадка не имеет ответа. В кэрроловедении тем не менее существует множество ответов на эту загадку, причем наиболее простой из них, на наш взгляд, является самым достоверным: оба слова начинаются одним и тем же звуком ['reivn — 'raiti? desk]. Этот ответ, однако, почему-то никого не устроил, и уже при жизни Кэрролла было много споров относительно смысла загадки.

В предисловии к изданию 1896 г. Кэрролл сам дал на загадку ответ, но ответ опять-таки зашифрованный. Его приводит М. Гарднер в своей «Аннотированной Алисе»: «Меня так часто спрашивали о том, можно ли найти ответ на загадку Шляпника, что мне следует, пожалуй, запечатлеть здесь вариант, который мог бы, как мне кажется, быть достаточно приемлемым, а именно: «С помощью того и другого можно давать ответы, хоть и плоские; их никогда не ставят не той стороной!» Впрочем, это мне пришло в голову уже позже; загадка поначалу не имела отгадки».

Таким образом, давая ответ на загадку Шляпника, Кэрролл в сущности загадал своим читателям и почитателям еще одну загадку. Между тем утверждение, будто общим для слов “raven” и “writing desk” является произношение начального звука, не столь просто, как это кажется на первый взгляд. Здесь ведь в скрытом виде говорится о таком способе организации речи, который относится к звуковым повторам и заключается в симметрическом повторении однородных согласных звуков, т.е. об аллитерации.

«Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» —сказка, тесно связанная с англосаксонскими реалиями. Ведь, как уже было сказано выше, Кэрролл и Тенниел, по мнению английского исследователя Г.М. Эйрза, пользовались, готовя сказку к печати, изображениями англосаксов в различных костюмах и позах из англосаксонской рукописи, которая хранилась в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Но и в «Алисе в Стране Чудес» Кэрролл не избежал влияния англосаксонской словесности. Писатель, который подшучивал над увлечением своих современников англосаксонскими древностями, и сам тоже был очарован древним эпосом, хотя и тщательно зашифровал это свое увлечение, эту сторону своего творчества.

В загадке Шляпника зашифрован, на наш взгляд, намек на аллитерационный (или акцентный) стих, который характерен для древнегерманского, древнеанглийского (т.е. англосаксонского) и древнеисландского стихосложения. Смысл этого приема состоит, по словам М.Л. Гаспарова, в том, что аллитерация предсказуема и является организующим моментом стиха. В каждой строке акцентного стиха по меньшей мере «два слова должны начинаться одним и тем же звуком» (См.: Литературный энциклопедический словарь. — М., 1987. — С.20.), причем ударение в древнеанглийском языке обычно падало на первый слог корня. В каждом полустихе было по два слога с акцентом, которые «отбивали тakt, как метроном, а неударные слоги (сколько бы их ни

было) проговаривались за примерно одинаковые интервалы времени: быстро, если их было много, и медленно, если их было мало» (Смирницкая О.А. Беовульф // Беовульф. М., 1975. — С.632). В двух «Алисах» находим целый ряд подобных аллитераций: “Duck — Dodo”, “Pig — pepper”, “Pish — Footman”, “Frog Footman”, “Hare — Hatter”, “Kings cabbages”, “Hatta — Haigha” и пр.

Именно аллитерационным стихом написана англосаксонская поэма «Беовульф» (VIII в.), рукопись которой, кстати сказать, хранилась в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Переводчику «Беовульфа» на русский язык В. Тихомирову удалось сохранить аллитерацию оригинала: «Делить с дружиной удары сражений», «Слава Сигмунда немало выросла после смерти его» и т.д. (Там же — С. 632, 71. В настоящее время рукопись «Беовульфа» хранится в Британском музее.).

Надо сказать, что в XIX в. в интеллектуальных английских кругах, и в частности у обитателей Оксфорда, поэма «Беовульф» была в большой моде. «Мир «Беовульфа», «это мир королей и друдинников, мир пиров, битв и поединков» (Гуревич А. Средневековый героический эпос германских народов // Там же — С.9). Сюжет поэмы (название «Беовульф» было дано поэме исследователями, в самом манускрипте названия нет) вкратце таков. Геатский витязь Беовульф (Геаты жили на территории, расположенной на юге современной Швеции) отправляется на корабле в Данию с четырнадцатью спутниками, чтобы предложить свою помощь королю данов Хротгару. Дело в том, что на роскошный, декорированный золотом пиршественный зал данов Хеорот (т.е. Оленью палату (Зданиям, как и оружию, в те времена непременно давалось имя)) в течение двенадцати лет нападал кровожадный людоед Грендель, человекообразное чудовище, пожиравшее датских воинов, но король Хротгар не мог своими силами справиться с Грендлем, поскольку был стар и немощен. Попиравав с гостями до поздней ночи, хозяева

покидают зал (Здания пиршественных залов были окружены целым комплектом вспомогательных хозяйственных построек: апартаментами владельца, помещениями, для гостей, загонами для скота и т.д.). Ночью появляется Грендель, убивает одного из спутников Беовульфа и пожирает его. Храбрый витязь Беовульф вступает в бой с чудовищем безоружный и побеждает его, вырвав «руку с плечом» (Beowulf, Reprod. in facsimile from the unique manuscript, British museum ms. Cotton Vitellius A XV. With a transliteration a. notes by Zupitza J. — I. etc , 1959 — Р. 40). Смертельно раненый Грендель удирает с поля боя, и его кровавый след теряется в дальнем болоте. Даны вновь начинают пировать в Хеороте. В дальнейшем в поэме рассказывается еще о двух подвигах Беовульфа, но мы остановимся на эпизоде пиршества после победы над Гренделем, поскольку, на наш взгляд, именно в этом месте поэмы находится пародируемый Кэрроллом текст.

Речь идет о строках 874-892 первой части поэмы, где рассказывается о праздничной трапезе, во время которой друдинники славили подвиг Беовульфа. «После победы над Гренделем, — говорится в поэме, — один из королевских танов сымпровизировал новую песню из старых легенд. Он повествовал о Сигмунде, о котором было сложено немало славных песен после его смерти. Сигмунд, сын принца, вышел в одиночестве на тот смелый подвиг под серой скалой... Тем не менее случилось так, что его меч пронзил чудесного змея и ударился о стену, благородный металл; дракон умер насильственной смертью» (Beowulf / Ed. with an introd., notes and new prose translation by Swanton M. Manchester , N.Y. , 1978. — Р.76-77; lines 874-892. В переводе В. Тихомирова: «... он вплетал песнопение повесть новую, неизвестную людям, поведывал быль — все, что слышал о подвигах Сигмунда... Слава Сигмунда немало выросла после смерти его: разнесла молва как с драконом-кладохранителем он сходился, бесстрашный в сражении, под утесами

темными... И ему посчастливилося: остролезный клинок поразил змеечудище, пригвоздил к скале, и дракон издох» (Беовульф. — С.70-71.). В Песне о Сигмунде поэтом «Беовульфа» рассказана история этого героя «в своем первоначальном виде», т.е. без всяких подробностей, которые можно найти в «Саге о Волсунгах» (См . Сага о Волсунгах / Пер. Ярхо Б.И. М.. 1934. — 283с. О.А. Смирницкая в примечании к этому эпизоду «Беофульфа» пишет, что дошедшая до нас скандинавская и немецкая традиция в отличие от англосаксонской приписывает убийство дракона не Сигмунду, а его прославленному сыну Сигурду» (Беофульф — С.642)).

Кэрролл в балладе «Джаббервокки», пародирующей этот эпизод, сохранил аллитерацию «Беовульфа». Для подтверждения нашей гипотезы приведем лишь кульминационный момент эпизода в поэме «Беовульф», пародируемый Кэрроллом (прописными буквами отмечена далее аллитерация).

В «Беовульфе»: “hW?pre him ges?lde ??t pr?t sWurd purhWod Wraetlicne Wyrm, p?t hit on Wealle ?tstod, dryhtlic iren; draca mordre sWealt”. (Тем не менее случилось так, что его меч пронзил чудесного змея и ударился о стену, благородный металл; дракон умер насильственной смертью). У Кэрролла:

“One, two! One, two! And through and through
The Vorpal blade Went snicker-snack!
He left it dead, and With its head
He Went galumphing back”.

Итак, поэт повторяет звонкий губно-губной звук [w], как и в аналогичном отрывке «Беовульфа».

Современный читатель не воспринимает поэму «Беовульф» как стихи, поскольку в ней отсутствует рифма. Даже при издании поэмы полустихами (как это делают теперь вслед за ее издателем Б. Торпом), только зрительно можно

признать текст поэтическим. При чтении же вслух, поскольку конец строки не совпадает с окончанием предложения, «Беовульф» все равно воспринимается как ритмическая проза. Ритм «Беовульфа», по словам О.А. Смирницкой, «основывается на чередовании долгих и кратких слогов в полустихе, хотя регулярный дольник отсутствует» (Смирницкая О.А. Беофульф. — С. 632.).

Что же касается кэрролловской баллады «Джаббервокки», то аллитерация здесь не столь заметна читателю, поскольку в большинстве строф четко выдержана перекрестная рифма (abab), а скрытый смысл аллитерации ускользает от читателя, незнакомого с оригинальным текстом «Беовульфа». Словом, аллитерация у Кэрролла фактически слышна, но ее скрытый смысл зашифрован

Таким образом, нам остается заключить, что в балладе Кэрролла «Джаббервокки» пародируется Песня о Сигмунде из англосаксонской поэмы о Беовульфе.

Из статьи «Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении»

Е. Е. Сапогова (Тульский госуниверситет)
«Вопросы психологии» — № 2/1996

В настоящей статье представлены фрагменты экспериментальной работы по развитию фантазии и креативности дошкольников путем интерпретации нонсенсов и создания метафор, которую мы в течение многих лет осуществляем в дошкольных учреждениях г. Тулы в рамках программы «Азбука воображения». В частности, это формирование таких приемов, как измерение неизвестных свойств объектов мерками свойств знакомых вещей; «оживление» метафор, осмысление и атрибуция (определение в свойствах вещей и явлений) нонсенсов, самостоятельное построение метафор и др.

Обобщая опыт этой работы, мы пришли к заключению, что в основе понимания метафор и нонсенсов лежит общий механизм построения нового фрейма. Этот механизм действует в разнообразных вариантах. В частности, для старшего дошкольника осмысление метафорических и нонсенсных (псевдосмысловых) ситуаций может выступать как вполне естественный процесс измерения свойств незнакомого предмета свойствами известных ему вещей. Иллюстрацией может служить спонтанная замена детьми неясных смыслов знакомыми: например, вместо слов детской песенки «порою волк, сердитый волк рысцою пробегал» дети часто поют «с лисою пробегал», поскольку такой вариант им более понятен (вписывается в знакомые фреймы).

...Мы воспроизводим процесс измерения свойств неопределенных ситуаций свойствами известных в одном из наших заданий, где детям 6-8 лет предлагается расшифровать и проиллюстрировать две известные в лингвистике словесные

модели: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка» (фраза, предложенная Л.В. Щербой для анализа фонологии языка) и «Варкалось. Хливкие шорьки пырялись по наве. И стрекотали зелюки как мюмзики в мове» (Л. Кэрролл). Здесь ребенок может использовать прием метафоризации, позволяющий воспроизвести образ, не данный в опыте, на основе интуитивного чувства схожести, через «иносказание», через построение нового фрейма вокруг хотя бы одного, отдаленно напоминающего нечто признака. И таким образом ребенок самостоятельно осуществляет категориальный сдвиг, «перенос названия одного представления в другую сферу — на другое представление, подобное какой-либо чертой первому или предполагающее какие-либо косвенные с ним аналогии» [2; 35].

...На стихотворение Л. Кэрролла дети шести лет предлагают следующее: «липкие гусеницы облепили всю стену и ползают по ней»; «под вечер три маленьких щенка бегали и догоняли друг друга в траве»; «комары заели рыбаков на болоте»; «быстрые хорьки носились по степи и верещали»; «хомяки и суслики искали себе еду и пересвистывались в темноте». Дети 7-8 лет дают более структурированные варианты: «Радовалось. Яркие лучи пробежали по росе. И горели капельки, как огоньки в траве»; «Нравилось. Воздушные облака плыли по небу. И шумели листья, как птицы в небе»; «Смеркалось. Большие камни остывали на морском берегу. И шумели волны, как шепот в ночи»; «Смеркалось. Маленькие ежи кувыркались в траве. И летали птички, как акробатики в небе»; «Казалось. Веселые глаза смеялись на лице. И скрипели зубы, как мыши в норе»; «Все просыпалось. Белые гуси переговаривались в камышах. И прыгали лягушки, как гимнасты в цирке»; «Мне представлялось, что веселые мишки-гамми гуляли в кустах. И летали бабочки, как самолетики в небе».

Примечания и комментарии

[1] К оригиналу.

Из примечаний к интерактивной образовательной программе «Зазеркалье» (Изд-во «Комтех2, 1998):

Jabberwocky — в письме школьницам, попросившим у Л. Кэрролла разрешения назвать так свою школьную газету, он разъяснил, что первая часть Jabber входит в состав этого слова в своем обычном значении — бормотать, говорить возбужденно и многословно, а вторая часть происходит от староанглийского “wocer” или “wocor”, означающих “плод”, “отпрыск”, то есть буквально Jabberwock означает “результат возбужденной болтовни”.

Brillig — Humpty Dumpty (Шалтай-Болтай в самом известном русском переводе) объясняет это слово как время, когда начинают готовить (to broil) обед — то есть, по его мнению, около четырех часов дня. Такое же объяснение приводит и Кэрролл в своем рукописном журнале “Misch Masch”. Забавно, что пояснения Кэрролла часто не совпадают с толкованием тех же слов Шалтаем-Болтаем, которые он приводит в шестой главе. Суффикс “ig”, характерный для немецкого языка, делает звучание этого слова архаичным и возвышенным. Возможно, это подтверждает версию о том, что Jabberwocky является пародией на длинную немецкую балладу «Пастух в Горах Гиганта». Данная версия была выдвинута Роджером Грином, который утверждает, что предметом пародии является не конкретное содержание баллады, а весь ее стиль и дух. Это мнение, однако, не является общепризнанным.

Slythy — одно из слов-кошельков, в которых «сложено» несколько значений — slimy (слизистый) и lithe

(гибкий, юркий). Иногда оказывается, что придуманное Кэрроллом слово существует в английском языке как устаревшее или редко употребляемое. Тогда встает вопрос, знал ли он об этом значении слова и учитывал ли его. Так Оксфордский словарь приводит слово “slythy” как вариант “sleathy” — устаревшего слова, имеющего значение «неопрятный, грязный». В современном английском языке существует родственное слово sleazy — неряшливый, неприглядный, грязный, низкопробный.

Tove — В журнале “Misch Masch” Кэрролл дал следующее описание этого существа — один из видов Badger'a (то есть барсука) — с гладкой белой шерстью, длинными задними ногами и короткими рожками, питаются преимущественно сыром. Однако «лингвист» Humpty Dumpty описывает их по-другому — нечто вроде Badger'a — что-то среднее между ящерицей и штопором. Нам представляется, что здесь имеется в виду другое значение слова Badger — ершик для чистки трубок. Относительно произношения этого слова Кэрролл в предисловии к «Охоте на Снарка» поясняет, что оно должно rhymeяться со словом “grove”.

To gyre — здесь толкование Кэрролла также расходится с толкованием Humpty Dumpty. Кэрролл производит этот глагол от турецкого “giaour” — собака — то есть, утверждает, что он означает «скрестись как собака». Humpty Dumpty считает, что это значит «крутиться как гирокомпас» (gyroscope). Последнее согласуется и с толкованием Оксфордского словаря английского языка, который утверждает, что в данном значении это слово употреблялось с 15 века.

To gimble (от gimlet — буравчик) — высверливать отверстия в чем-либо. Оксфордский словарь приводит это слово как вариант написания слова “gimbal” — технического термина, означающего карданов подвес, то есть приспособление, благодаря которому компас корабля во время любой качки остается в горизонтальном положении, однако

крайне маловероятно, чтобы Л. Кэрролл имел в виду именно это значение.

Wabe — по Кэрроллу — происходит из глаголов *to soak* (промокать, промачивать) и *to swab* (вытираять шваброй) — и означает «склон холма» (который промокает под дождем). Однако Humpty Dumpty и Алиса приходят к другому толкованию: *wabe way + be...*, так как это лужайка вокруг солнечных часов (под которыми, кстати, вьют свои гнезда “*toves*”), которая простирается “*long way be-fore, be-hind and be-yond it*”.

Mimsy — от “*miserable*” — несчастные. (В соответствии с Оксфордским словарем, во времена Кэрролла бытовало слово “*mimsey*”, означавшее «чопорный, излишне скромный, ханжеский». Возможно, что Л. Кэрролл имел в виду и это значение.) Humpty Dumpty не возражает против такого толкования, однако настаивает на том, что, кроме *miserable*, в слово-кошелек *mimsy* входит также и *flimsy* — тонкий, хрупкий.

Borogoves — Кэрролл объясняет, и на этот раз его мнение совпадает с мнением Humpty Dumpty, что это — ныне вымерший вид бескрылых попугаев с заданными вверх клювами, которые питаются телятиной.

Mome — слово имеет ряд устаревших значений, среди которых и такие как тупица, но, по-видимому, ни одно из них не имеет отношения к данному контексту. Л. Кэрролл предлагает значение «серъезный, мрачный, торжественный», что по настроению совпадает с толкованием Humpty Dumpty, который полагает (но без достаточной уверенности), что *mome* — это сокращенное “*from home*” (если *h* не произносится) и означает «заблудившийся».

Rath — в соответствии с Humpty Dumpty это — зеленый поросенок. По-видимому, «лингвист» основывается на звуке, издаваемом этими существами (они “*outgrible*” см. далее). Однако Л. Кэрролл описывает их по-другому: сухопутные черепахи с высоко поднятыми головами, с

акульими пастями. Передние лапы скрючены так, что животные перемещаются на коленях. Тела их гладкие, зеленого цвета. Основная пища — ласточки и устрицы. Оксфордский словарь напоминает о прямом значении этого староирландского слова, достаточно широко известном во времена Кэрролла — крепость, окруженная земляным валом.

Outgrabe — прош. время глагола to outgrieve, который, по Кэрроллу, происходит от старых глаголов “grike” или “shrike”, которые в современном языке читаются как “creak” (скрипеть) и “shriek” (визжать). Humpty Dumpty утверждает, что это нечто промежуточное между мычанием и свистом с чиханием посредине.

Frumious - слово-кошелек fuming (дымящийся, рассерженный) + furious (разъяренный). Исследователи считают, что любовь Кэрролла к таким составным словам обусловлена тем, что в волнении он начинал заикаться и такие слова получались у него сами собой.

Bandersnatch — имя составлено из двух слов - band (отряд, банда, а также связывать, скреплять) и snatch (хватать, ловить, кусать).

Vorpal, tulgey — относительно этих слов Кэрролл писал, что, к сожалению, он сам не знает, что они означают. Нам кажется, что первоеозвучно слову sharp - острый, все остальное читатель может домыслить сам.

Manxome — Самое близкое по звучанию слово — Manx — кельтское название острова Мэн, его обитателей называют Manxmen. Однако, имел ли в виду Кэрролл это значение — не известно.

Tum-tum — во времена Кэрролла так обозначали монотонную игру на струнном инструменте (что-то вроде дрын-дрын).

Uffish — в письме одной из своих юных почитательниц Кэрролл пояснял, что это такое состояние души, когда “the voice is gruffish (хрипловатый), the manner

roughish (грубоватый), and the temper huffish (раздражительный)”.

Whiffling — в современных словарях приводится в значении «посвистывая». Во времена Кэрролла бытовало другое значение этого слова — «дуя короткими порывами». Более раннее значение — «выпивая и куря».

Burble — Л. Кэрролл пояснял, что оно состоит из трех слов “bleat (блеять, мычать), murmur (бормотать, журчать, роптать), and warble (издавать трели, щебетать)”. Это слово как комбинация burst (взрываться, внезапно начинаться, быть переполненным) и bubble (пузыриться) давно употреблялось в английском языке как вариант слова bubble. Значением, приводимым в современных словарях — весело бормотать, задыхаться от смеха — слово обязано Кэрроллу.

Galumph — сочетание слов “gallop” (галопом) и “triumphant” (торжествующий). Вошло в современные словари в значении «вышагивать с гордым видом, идти тяжелым неровным шагом, подпрыгивая на ходу» как слово, введенное Кэрроллом.

Gallooh! Gallay! — крик радости, по-видимому, от греческого «калос» — прекрасный.

Chortle — слово, пущенное в оборот Кэрроллом и вошедшее в Оксфордский словарь в значении «фыркать от удовольствия, смеяться сдавленным смехом», составлено из “chuckle” (фыркать от смеха) и “snort” (фыркать, пыхтеть, храпеть (о животном)).

[2] К переводу Андрея Москотельникова.

**Комментарии
Москотельникова:** **переводчика** **Андрея**

«Величайшим стихотворным нонсенсом на английском языке» назвал это стихотворение Мартин Гарднер (см. Академическое издание, с. 124). Это высказывание не может быть признано корректным. Сказать, что почти каждое из вышеприведённых здесь (в сказке «Алиса в Зазеркалье) стихотворений — величайшее на английском языке в своём роде, будет не менее правомерно; при этом, например, стихотворение, прочитанное Белым Кроликом в суде, может быть названо шедевром нонсенса с большим правом, чем если мы применим такое обозначение к «Бармаглоту». Отчего «Бармаглот» — шедевр именно нонсенса, что в «Бармаглote» есть такого, что делает его нонсенсом?

«Бармаглот» — стихотворение, обладающее очень чётким и прозрачным сюжетом. Сюжетных подвохов оно начисто лишено, а ведь иные Кэрролловы стихотворения из «Алисы», как, например, Песенка Шалтая-Болтая, с подвохом. Неологизмы и слова со смутным значением не затемняют смысла того рассказа, который содержится в стихотворении «Бармаглот». Тут уместнее второе замечание Мартина Гарднера — о непринуждённой звучности «Бармаглota» и его совершенстве, не имеющем себе равных; это стихотворение в смысле непринуждённой звучности как целого, так и новых, придуманных Кэрроллом словечек, и впрямь может быть признано совершенным.

Перевод Дины Орловской, как и прочие её переводы для Академического издания, не должен остаться без исправлений. «Бармаглот» не превращён переводчицей в сюжетную невнятницу, как это случилось, например, с Песенкой Шалтая-Болтая, и всё же серьёзно пострадал под её

рукой. Метод данной переводчицы был — упрощение. Из перевода исчезла птичка Джубджуб, важная для связи «Бармаглота» с «Охотой на Снарка»; словосочетание “*vorpal blade*” не нашло отражения: переводчица говорит «меч стрижает», а надо бы тут «стрижающий меч»; переводчица добавляет «щит» для рифмы, а в тексте и на иллюстрации Тенниела щиты отсутствуют и т.д. Русский текст «Бармаглота» по необходимости должен быть более плотным, вместительным для деталей английского оригинала, чем это вышло в Академическом издании; размер следует соблюсти.

Мы предлагаем читателю свой вариант «Бармаглота», и это именно переработанная версия перевода Дины Орловской. Ведь слова «Варкалось. Хливкие шорьки...» сделались общеизвестными; первую строфу здесь изменять как раз не стоит несмотря даже на несоблюдение размера; словечко «стрижающий» от формы «стрижать», изобретённой Диной Орловской, также взывает о сохранении и заслуживает его — по той же причине. Наконец, само слово «Бармаглот» не может быть упразднено, оно слишком срослось с этим стихотворением. Но размер подлинника восстановлен. Проведён ещё и следующий принцип. Многие переводчики остались свои версии этого стихотворения, и нижеследующий текст — это нечто вроде сборного «Бармаглота»; в данной версии присутствуют словесные удачи предыдущих переводчиков: «глубейшие думы» Татьяны Щепкиной-Куперник, «прыжество» — от слова «прыжствуя», принадлежащего Михаилу Пухову (в переводе «Охоты на Снарка»), и «змерь», изобретение Владимира Орла.

[3] К переводу Владимира Орла.

В отличие от оригинала и большинства переводов «Алисы в Зазеркалье», в переводе Владимира Орла отсутствует заголовок «зазеркальной баллады». Поэтому и здесь его перевод «Джаббервокка» подается без заголовка.

Но в шестой главе:

«— Уважаемый Шалтай-Болтай, — сказала Алиса, — вы замечательно объясняете, какое слово что значит. Не могли бы вы заодно объяснить мне смысл стихотворения под названием «Умзара Зум»?»

[4] К переводу Александра Флори.

Примечания Александра Флори:

Это попытка так называемого «филологического» перевода, сделанная еще в 1985 г., когда я был студентом – за 5 лет до самого пересказа повести (Алиса в Зазеркалье).

Я тогда увлекался вопросами интертекстуальности и пытался передать некоторые параллели этого стихотворения с литературным контекстом, прибегая к различным аллюзиям. Например, в строке

Он злостней, чем кошмарный Змерь

я указываю на связь “Jabberwocky” с «Охотой на Снарка». Незадолго до перевода стихотворения были опубликованы фрагменты «Снарка» в переводе В. Орла (насколько мне известно, это первый русский «Снарк») под названием «Охота на Змеря» (1982).

Выражение «зубошумный людорез» отсылает к заумному языку футуристов, предтечей которых был Кэрролл. Это аллюзия на стихотворение А. Крученых «Аэро-крепость» (1923), в чем-то напоминающая “Jabberwocky”:

Гвон-чорон,
Брат оврагу,
Грязь карболка,
Язв дыра в груди
Голу – небес!
На рогах дымит гора!
Это – «ЧРМ»
Темнокрылищнефтежилье,
Морный
Зубошумный людорез!..

Он брохочет
Полчищ
Что мотором режут череп неба,
Точат твердь.
Это - броне-крепость
Экскаватор толпищ,
Аэро-бэст!

Кстати, «крученыховский» план присутствует и в переводе Д. Манина «Убещур».

[5] К переводу Сони Гантман.

В варианте перевода Сони Гантман «непонятные» слова базируются на иврите.

В Интернете можно прочитать «объяснения для желающих испортить впечатление»:

http://centrolit.kulichki.net/centrolit/jabberwocky/tran_sg_comm.html

[6] К переводу Беллинсгаузена И. Лазарева

Мало-мальски эрудированному читателю понятно, что этот «перевод» является пародией как на «Джаббервокка» Льюиса Кэрролла, так и (в большей степени) на цикл иронических стихов Бориса Гребенщикова об Иннокентии и Полтораки.

[7] К переводу Кошало Мяученного.

А в этом так называемом переводе спародирован не только «Джаббервокк» Кэрролла, но и (как читатель, без сомнения, понял) начало поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зелёный...» и т.д.